

Механический ПРИНЦ

КАССАНДРА КЛЭР
АДСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
КНИГА II

NEW YORK TIMES BESTSELLER

Кассандра Клэр
Механический принц
Серия «Сумеречные охотники»
Серия «Адские механизмы
(АСТ)», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128135

*Адские Механизмы. Книга II. Механический принц / К. Клэр; пер. с англ.
Е. Колябиной. . 2015.: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092866-8*

Аннотация

Англия. Лондон, Викторианская эпоха. Получив письмо от пропавшего брата. Тесс Грей приезжает в Англию. Оказавшись в Лондоне, она обнаруживает Нижний мир. по улицам которого бродят вампиры, могущественные чародеи и оборотни. Письмо брата оказывается ловушкой, и Тесс попадает в беду. Спасти её помогают Сумеречные охотники, но тучи вокруг снова сгущаются. Теперь Тесс угрожает таинственный Магистр, который не остановится ни перед чем. чтобы использовать в своих целях ее способность превращаться в любого человека и читать чужие мысли. Тайны прошлого и настоящего ждут того, кто сумеет их разгадать...

Содержание

Khalepa ta kala[1]	5
Пролог	6
1. В зале совета	12
2. Наказание	39
3. Неоправданная смерть	63
4. Путешествие	88
5. Тени прошлого	120
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Кассандры Клэр

Адские Механизмы. Книга II. Механический принц

Посвящается Элке

Cassandra Clare
THE INFERNAL DEVICES

Book Two
Clockwork Prince

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova bittern SIA

Обложка предоставлена издательством Margaret K. McElderry Books, an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division

Copyright © 2011 by Cassandra Clare, LLC

Khalepa ta kala¹

Вы были последней мечтой моей души... С тех пор как я увидел вас, меня стало мучить раскаяние, а ведь я думал, что давно покончил счеты со своей совестью; и я слышал отголоски давно умолкших голосов, призывавших меня к более возвышенным помыслам. В голове моей стали бродить смутные мысли о возрождении, я хотел начинать жизнь сызнова, стряхнуть с себя всю эту грязь и мерзость и возобновить давно заброшенную борьбу со своими страстями. Но это были мечты, только мечты...

Чарльз Диккенс, «Повесть о двух городах»²

¹ «Красота жестока» (др. – греч.).

² Пер. Е. Бекетовой.

Пролог

Изгой среди мертвых

Все звуки, все очертания предметов вязли в густом тумане, накрывшем город. В разрывах туманной пелены виднелась мокрая черная улица, а за шумом дождя Уилл различал голоса мертвых.

Далеко не все Сумеречные охотники могли слышать призраков – если, конечно, те сами не хотели, чтобы их услышали, – но Уилл Эрондейл мог. Когда он приблизился к старому погосту, отдельные голоса слились в нестройную симфонию криков, стенаний и проклятий. Уилл не впервые приходил на Кладбище скрещенных костей близ Лондонского моста и знал, что его нельзя назвать местом мирного упокоения. Он сгорбился и втянул голову в плечи, чтобы прикрыть уши воротником. Капли дождя блестели на его черных волосах.

До входа на кладбище – кованых железных ворот в высокой каменной стене – оставалось всего полквартала; любой оказавшийся рядом простец не увидел бы за ними ничего, кроме клочка заросшей бурьяном земли. Приблизившись к воротам, Уилл разглядел еще кое-что скрытое от глаз простых смертных: большую бронзовую колотушку в виде костяной руки. Недовольно поморщившись, он взялся за нее и

трижды приподнял и отпустил. Гулкий звон разнесся в ночной тишине.

За воротами туман поднимался от сырой земли густым паром, скрывая мерцание костей. Полупрозрачная дымка мало-помалу сгущалась, испуская призрачное голубоватое свечение. Уилл положил руки на решетку ворот; казалось, холод металла проникает сквозь перчатки прямо в кости. Уилл невольно вздрогнул – то был необычный холод. Когда призраки встают из могил, они высасывают тепло из всего, до чего дотянутся. Сумеречный охотник почувствовал, как зашевелились волосы на затылке: из голубого тумана перед ним медленно соткался силуэт старухи в рваном платье и белом переднике. Призрак висел в воздухе, опустив голову.

– Привет, Молли, – произнес Уилл. – Нынче вечером ты прекрасна, как никогда.

Привидение подняло голову. Старая Молли была одним из самых сильных духов, которых Уиллу доводилось встречать. Даже когда в разрыве облаков мелькнула луна, призрачное тело осталось плотным и непрозрачным, почти неотличимым от настоящего. Тугая коса желтовато-седых волос падала Молли на плечо, грубые красные руки упирались в бока. Вот только глазницы ее чернели двумя провалами, и в глубине их трепетали голубые огоньки.

– Уильям Эрондейл, – промолвила она. – Не ожидала увидеть тебя так скоро.

Молли скользнула к воротам с невесомой грацией призра-

ка. Ноги ее были босы и грязны, хотя никогда не касались земли.

Уилл прислонился к решетке.

– Я соскучился по твоему прелестному личику.

Молли ухмыльнулась; огни в глазницах вспыхнули ярким светом, и под полупрозрачной кожей Уилл различил очертания черепа. Облака над кладбищем снова сомкнулись, закрывая луну. Интересно, подумал про себя Уилл, что же такого Молли натворила, что ее похоронили здесь, на неосвященной земле? Жалобные голоса призраков над Кладбищем скрещенных костей принадлежали по большей части проституткам, самоубийцам и мертворожденным младенцам – тем изгоям среди мертвых, кому путь на церковное кладбище был заказан. Впрочем, Молли и здесь неплохо устроилась, так что, надо полагать, жаловаться ей было не на что.

– Так что тебе нужно, юный нефилим? – спросила она. – Яд Мальфаса? Если что, у меня тут завалялся коготь одного демона-моракса. Отлично отполированный, никто и не заметит ядовитого кончика...

– Нет, – покачал головой Уилл. – Мне нужен порошок демона-форайи. Хороший, мелкий порошок.

Молли отвернулась и сплюнула завитком голубого пламени.

– И для чего же он понадобился такому славному молодому человеку?

Уилл подавил тяжелый вздох: Молли никогда не отка-

зывала себе в удовольствии поторговаться. Он уже не раз приходил к ней по поручению Магнуса: сначала за вонючими черными свечками, которые липли к рукам, как смола, потом за костями нерожденного ребенка, затем за мешком фейских глаз – из-за него Уилл испачкал кровью рубашку. По сравнению с этим порошок демона-форайи казался вполне безобидным.

– За дурочку меня держишь? – не унималась Молли. – Это ведь ловушка? Поймаешь меня на торговле такими штуками, и все, прощай, старушка Молли!

– Но ты ведь уже мертва, – напомнил Уилл, стараясь не выдать раздражения. – Что тебе может сделать Конклав?

– Пф-ф, – снова сверкнула глазами Молли. – Безмолвным Братьям все равно, кого держать в своих подземных темницах, живых или мертвых. Уж кому, как не тебе, об этом знать, Сумеречный охотник!

Уилл поднял руки с раскрытыми ладонями.

– Успокойся, старушка, все по-честному. Ты наверняка знаешь, какие слухи ходят по Нижнему миру. У Конклава сейчас есть дела поважнее, чем ловить призраков, торгующих демоническими порошками и кровью фей. – Он снова подался вперед. – Я хорошо заплачу.

Уилл вытащил из кармана батистовый мешочек и картинно встряхнул его. По кладбищу разнесся слабый звон, похожий на звяканье монет.

– Все как ты любишь!

Лицо мертвой женщины исказилось от жадности. Уплотнившись еще больше, она выхватила из руки Уилла мешок и высыпать на ладонь его содержимое – золотые обручальные кольца, каждое с «любовным узелком». Старая Молли, как и многие призраки, без устали искала свой талисман, потерянный кусочек прошлого, который позволит ей умереть окончательно, разорвав узы, удерживающие ее в этом мире. Молли было нужно обручальное кольцо. По словам Магнуса, оно давно лежало на илистом дне Темзы, но старуха принимала в уплату любые кольца в тщетной надежде найти свое.

Ссыпав украшения обратно в мешок, Молли торопливо спрятала его в складках призрачного платья и протянула Уиллу пакетик с порошком. Охотник сунул товар в карман и поднял глаза на привидение, которое уже начало таять.

– Погоди-ка, Молли. Мне нужно еще кое-что.

Призрак замерцал; жадность в нем боролась с нетерпением, да и сохранение облика требовало недюжинных усилий. – Ну ладно. Что тебе нужно? – наконец проворчала Молли.

Уилл замялся. Магнус поручил ему добыть только демонический порошок, но сейчас он собирался спросить кое о чем для себя.

– Любовное зелье...

Молли визгливо рассмеялась.

– Любовное зелье? Для Уилла Эрондейла? Не в моих привычках отказываться от выгоды, но уж кто-кто, а ты прекрас-

но обойдешься без таких штучек.

– Нет, мне нужно... – Уилл отчаянно подбирал слова. – Не приворотное, а такое, чтобы наоборот, положить конец любви.

– Отворотное зелье? – прищурилась Молли. – Чтобы тебя возненавидели?

– Скорее что-то вроде зелья равнодушия.

Старуха фыркнула – звук вышел на удивление человеческим.

– Боюсь тебя огорчить, нефилим, но заставить девушку себя ненавидеть – проще простого. И тут ты прекрасно справишься без моей помощи.

С этими словами Молли растаяла в клубящемся между могил тумане. Уилл проводил взглядом призрак старой проститутки и вздохнул:

– Это не для нее, – прошептал он едва слышно, прижимаясь лбом к холодной кладбищенской решетке. – Это для меня.

1. В зале совета

*Над головой прекрасный свод повис,
Где кверху арки поднимались;
Взлетая вверх и опускаясь вниз,
Там ангелы встречались.*

Альфред Теннисон «Дворец искусств»³

О да! Все в точности, как я себе представляла! – воскликнула Тесс и улыбнулась стоявшему позади нее молодому человеку.

Джеймс Карстерс, в элегантном темном костюме и со взъерошенными ветром серебристыми волосами, улыбнулся в ответ. Он только что помог девушке переступить через лужу и все еще вежливо держал ее за руку, чуть повыше локтя. В другой руке он сжимал трость с нефритовым набалдашником, но если в текущей мимо них толпе кто-то и счел необычным, что столь юный джентльмен ходит с тростью, или обратил внимание на болезненную бледность его лица, то виду не подал.

– Сочту это комплиментом, – сказал Джем. – Я уже начал волноваться, что Лондон тебя окончательно разочарует.

Разочарует. Натаниэль, брат Тесс, обещал ей, что в Лон-

³ Пер. с английского Эммы Соловковой.

доне, среди красивых высоких зданий и чудесных парков, для них начнется новая жизнь. Но до сих пор город приносил девушке лишь боль, страдания и опасности, какие она прежде и вообразить не могла. И все же...

– Нет, это невозможно. – Тесс снова улыбнулась Джем.

– Приятно слышать. – Джем говорил абсолютно серьезно. Тесс отвернулась, чтобы окинуть взглядом возвышавшееся перед ними огромное здание – Вестминстерское аббатство, пронзавшее небо своими готическими шпилями. Солнце изо всех сил старалось пробиться сквозь укрывший Лондон облачный полог, и аббатство купалось в его рассеянном свете.

– Так, значит, это здесь? – спросила Тесс, когда Джем потянул ее к входу. – Но оно кажется таким...

– Обычным?

– В общем, здесь слишком много народу, – закончила свою мысль Тесс. Сегодня Аббатство было открыто для туристов, и они сновали туда-сюда через огромные двери с путеводителями Бедекера в руках. В группке одетых не по моде женщин Тесс признала американок – их выговор напомнил девушке о доме, и она почувствовала, как кольнуло сердце. Дамы прошли мимо них по лестнице, спеша за экскурсоводом, и Джем с Тесс без труда присоединились к шумной толпе.

В стенах Аббатства пахло камнем и металлом. Тесс жадно смотрела по сторонам, поражаясь размерам строения. По сравнению с ним Институт Сумеречных охотников выглядел

деревенской церквушкой.

– Обратите внимание на разделенный на три части неф, – пробубнил экскурсовод, собираясь рассказать о маленьких часовнях в восточной и западной частях Аббатства. В здании было тихо: никаких служб в это время не проводилось. Джем уводил Тесс все дальше в восточное крыло, и в какой-то момент она поняла, что ступает по камням с выгравированными именами и датами. Она, конечно, знала, что в Вестминстерском аббатстве похоронены короли, королевы, знаменитые воины и поэты, но не ожидала, что ей придется идти прямо по их могилам.

Наконец они добрались до юго-восточного конца церкви. Из окна-розы над головами лился тусклый солнечный свет.

– Я знаю, что нам нужно торопиться на заседание Совета, – сказал Джем, – но я хотел показать тебе Уголок поэтов.

Тесс изумленно оглянулась. Она столько читала об этом месте, где покоились великие английские писатели! Прежде всего в глаза ей бросилась могила Чосера с каменным балдахином, но потом девушка заметила и другие знакомые имена.

– Эдмунд Спенсер и... О! Сэмюэл Джонсон! – ахнула она. – И Кольридж, и Роберт Бернс, и *Шекспир*!

– На самом деле он похоронен не здесь, – торопливо сказал Джем. – Тут только памятник. Как и у Мильтона.

– Да, я знаю, но... – Тесс посмотрела на Джема и почувствовала, что краснеет. – Я не могу объяснить. Среди этих

имен я словно оказалась в кругу близких друзей. Я понимаю, что это глупо...

– Ничуть.

– Как ты догадался привести меня сюда? – спросила Тесс.

– Это было несложно, – улыбнулся Джем. – Когда я думаю о тебе, то всегда представляю с книгой в руках.

И он отвел глаза в сторону, но Тесс успела заметить румянец, вспыхнувший на его щеках. С неожиданной нежностью она подумала, что болезненная бледность мешает Джемму скрыть даже малейшее смущение.

Они очень сблизились за последние две недели. Уилл старательно избегал ее, Шарлотта и Генри с головой ушли в дела Конклава и подготовку к Совету, и даже Джессамина постоянно была занята. Но у Джема всегда находилось время для Тесс. Он взял на себя труд познакомить ее с Лондоном. Они побывали в Гайд-парке и в ботанических садах Кью, в Национальной галерее и Британском музее, в Тауэре и у Ворот изменников. Джем сводил Тесс посмотреть, как доят коров в парке Святого Джеймса, и показал торговцев овощами и фруктами на площади Ковент-Гарден. Они гуляли по набережной Виктории, любовались лодками, рассекавшими гладь солнечной Темзы, и ели «кирпичики», которые, несмотря на неаппетитное название, оказались вкусными сэндвичами с маслом и сахаром. Дни сменяли друг друга, и Тесс понемногу исцелялась от боли, причиненной предательством брата и холодностью Уилла; смиряясь с утратой

прошлой жизни, она чувствовала себя цветком, пробивающимся сквозь мерзлую землю. Порой она даже смеялась. И благодарить за это следовало Джема.

– Ты и в самом деле замечательный друг! – воскликнула она. Джем промолчал, и Тесс поспешила добавить: – Во всяком случае, я надеюсь, что мы друзья. Ведь ты тоже так думаешь?

Джем повернулся к ней, но прежде чем он успел ответить, раздался замогильный голос:

Склонись и прочитай со страхом,
Над чьим сейчас стоишь ты прахом.
Среди камней, в густой пыли,
Нашли покой свой короли⁴.

Из тени между памятниками выступила темная фигура. Тесс удивленно моргнула, а Джем спросил со сдержанным весельем:

– Все-таки решил почтить нас своим присутствием?
– А я и не говорил, что не приду. – Уилл Эрондейл шагнул вперед, и свет из окна-розы упал на его лицо. Даже сейчас при взгляде на Сумеречного охотника сердце Тесс пропускало удар. Черные волосы, синие глаза, изящно очерченные скулы, пушистые ресницы, пухлые губы – Эрондейла можно было бы назвать миловидным, если бы не выдающийся рост

⁴ Фрэнсис Бомонт, «Над могилами Вестминстерского аббатства», пер. Е. Фельдман.

и развитая мускулатура. Ее ладоням доводилось прижиматься к его рукам, поэтому она знала, что на ощупь мышцы Уилла подобны тугим канатам. А пальцы, однажды запутавшиеся в ее волосах, могли быть нежными и ласковыми, несмотря на грубые мозоли...

Усилием воли Тесс отогнала воспоминания. От них не было никакой пользы. Мистер Эрондейл не принадлежал ей – да и вообще никому. В душе Сумеречного охотника был какой-то надлом, и через него сочилась слепая жестокость, отравлявшая все его существо. Уилл причинял боль всем, кто пытался к нему приблизиться.

– Ты опоздаешь на Совет, – добродушно напомнил Джем. Он был единственным, на кого не распространялась злобредность Эрондейла.

– Я выполнял поручение, – ответил Уилл. Даже в неярком свете окна-розы Тесс видела, что он невероятно устал. Глаза Уилла были красны от недосыпа, а круги под ними отливали фиолетовым. Судя по мятой одежде, он не потрудился снять ее перед тем, как упасть в кровать (и это при условии, что он вообще спал в кровати), а волосы явно нуждались в услугах парикмахера. «Но какое мне до этого дело? – строго спросила себя Тесс, старательно отводя глаза от мягких черных завитков, падавших на шею Уилла. – Он ясно дал понять: то, как он выглядит и чем занимается, – не мое дело».

– Я смотрю, вы и сами туда не торопитесь, – заметил Уилл.

– Я хотел показать Тесс Уголок поэтов, – признался

Джем. – Решил, что ей будет интересно.

Он говорил так просто и безыскусно, что никто бы и не подумал заподозрить его во лжи или лицемерии. Глядя в открытое лицо Джема, даже Уилл удержался от колкостей. Он просто пожал плечами и быстрым шагом двинулся в сторону Восточной галереи.

В той стороне располагался внутренний сад, по которому неспешно прогуливались туристы. Они переговаривались негромко, словно все еще были в церкви. Никто не обратил внимания на Тесс и ее спутников, когда они приблизились к дубовым дверям, расположенным в каменной стене. Быстро посмотрев по сторонам, Уилл достал стило и легко коснулся правой створки. Двери вспыхнули синим светом и распахнулись. Эрондейл шагнул вперед, Тесс и Джем последовали за ним. Тяжелые дубовые створки захлопнулись с громким стуком, и девушка едва успела подобрать юбки, чтобы их не защемило дверью. Торопливо отступив назад, она принялась озираться по сторонам, пытаясь разглядеть нефилимов в почти крошечной темноте.

– Джем? – окликнула она своего спутника.

Вспыхнул свет, и Тесс увидела Уилла, сжимавшего в руке колдовской камень. Они стояли в большой комнате со сводчатым потолком, каменными стенами и каменным же полом. В дальнем конце помещения Тесс разглядела алтарь.

– Мы в Сокровищнице, – пояснил Уилл. – Раньше здесь находилась казна, и вдоль стен стояли сундуки с золотом и

серебром.

– Казна Сумеречных охотников? – спросила Тесс, порядком озадаченная.

– Нет, королевская казна. Поэтому тут такие толстые стены и прочные двери, – пояснил Джем. – Но Сумеречным охотникам тоже кое-что причитается. – Он улыбнулся, увидев выражение ее лица. – Вот уже много веков монархи тайно платят десятину нефилимам, чтобы те защищали их земли от демонов.

– Только не в Америке! – с жаром воскликнула Тесс. – У нас нет монархии...

– Не беспокойся, у вас этим занимается правительство, – бросил Уилл, подходя к алтарю. – Раньше с Сумеречными охотниками сотрудничало военное министерство, а сейчас – министерство юстиции.

Он замолчал, когда алтарь с натужным стоном отъехал в сторону, открывая взору черную дыру в стене. Уилл нырнул в проход, и девушка последовала за колдовским светом, плывущим по длинному коридору, который уходил куда-то вниз. Стены, пол и потолок были высечены из камня, отчего казалось, будто коридор прорубили прямо в скале. Вопреки ожиданиям, на ощупь камень был гладким. Через каждые несколько метров колдовской свет выхватывал из темноты подставки для факелов в виде человеческих рук, растущих прямо из стен. Факелы горели сине-зеленым пламенем.

Тесс услышала, как алтарь вернулся на место; коридор все

сильнее забирал вниз. В свете факелов девушка разглядела украшавшую стену резьбу. Неизвестный художник повторял один сюжет, снова и снова изображая объятых пламенем ангела, который поднимался над озером. В одной руке ангел держал меч, в другой – чашу.

Наконец, коридор уперся в массивные серебряные двери. На каждой створке Тесс увидела знакомый узор – переплетенные буквы К, С, С и К.

– Конклав, Совет, Соглашение и Консул, – пояснил Джем прежде, чем она успела спросить.

– Консул – глава Конклава? Что-то вроде короля? – поинтересовалась Тесс.

– Скорее, что-то вроде президента или премьер-министра, – сказал Уилл. – Это выборная, а не наследуемая должность.

– А кто входит в Совет?

– Сейчас сама увидишь. – Уилл толкнул тяжелые двери.

Тесс изумленно открыла рот. Она быстро спохватилась, но, судя по искоркам веселья в глазах Джема, остальные успели заметить ее удивление. За серебряными дверьми располагался огромный зал в форме амфитеатра с длинными изогнутыми скамьями, на три четверти заполненными людьми. Сводчатый потолок зала украшали созвездия. Уилл, Тесс и Джем стояли на самом верху лестницы, которая спускалась между рядами к площадке с неудобными на вид деревянными креслами.

В одном из кресел сидела Шарлотта; рядом с ней Тесс заметила Генри, который нервно оглядывался по сторонам. Шарлотта выглядела невозмутимой, руки ее спокойно лежали на коленях, и только напряженные плечи и поджатые губы выдавали волнение.

Перед ними за огромной кафедрой стоял высокий мужчина с длинными светлыми волосами и густой бородой. Его широкие плечи укрывала черная мантия, наподобие тех, что носят судьи; на рукавах одеяния мерцали вышитые руны. Рядом, в низком кресле, сидел мужчина в темно-синей мантии; его темные волосы были тронуты сединой, гладко выбритое лицо избородили глубокие морщины. На пальцах его поблескивали перстни с драгоценными камнями. Тесс сразу узнала инквизитора Уайтлоу, человека с ледяными глазами и ледяным голосом, который допрашивал свидетелей от имени Конклава.

– Мистер Эрондейл. – Светловолосый мужчина посмотрел на Уилла и сдержанно улыбнулся. – Как любезно с вашей стороны все-таки явиться на Совет. И мистер Карстерс, я вижу, с вами. А ваша спутница, должно быть...

– Мисс Грей, – закончила вместо него Тесс. – Мисс Тереза Грей из Нью-Йорка.

По рядам собравшихся пробежал легкий шепоток. Уилл напрягся, а Джем набрал воздуха в грудь, словно намереваясь что-то сказать. До Тесс долетело чье-то возмущенное «Перебивать Консула!...» Так, значит, это и был Консул Вей-

ланд, глава Конклава! Оглядев ряды амфитеатра, девушка заметила несколько знакомых: остролицего и длинноносого Бенедикта Лайтвуда, подчеркнуто державшего осанку, и его сына Габриэля Лайтвуда, который старательно смотрел прямо перед собой. Скамьей ниже сидела темноглазая Лириан Хайсмит. Неподалеку от нее расположились добродушный Джордж Пенхоллоу и бесподобная Каллида, тетя Шарлотты, по обыкновению уложившая седые волосы в тяжелую плетенку, напоминающую корону. Но куда больше в зале было незнакомых лиц. У Тесс возникло чувство, будто она разглядывает картинку в книге, рассказывающей о разных народах мира. Среди светловолосых нефилимов, похожих на могучих викингов из старинных легенд, сидел темнокожий мужчина, напоминавший халифа из сказок «Тысячи и одной ночи». Была здесь даже индианка в украшенном серебряными рунами сари. Сидевшая возле нее женщина в элегантном шелковом платье не спускала глаз с вошедших. Чем-то она походила на Джема: природа одарила незнакомку такими же изящными чертами и схожим рисунком скул, хотя волосы ее, в отличие от серебристой шевелюры Карстерса, были истинно-черными.

– Что ж, добро пожаловать, мисс Тереза Грей из Нью-Йорка, – произнес Консул. Судя по выражению лица, случившееся его скорее позабавило, чем разозлило. – Мы рады, что вы присоединились к нам сегодня. Как я понимаю, Лондонский Конклав уже задал вам немало вопросов. Но я надеюсь, что

вы не сочтете за труд ответить еще на несколько.

Тесс нашла глазами Шарлотту. «Что мне делать?» – мысленно спросила она.

«Отвечай», – едва заметно кивнула Шарлотта.

– Конечно, если это необходимо, – расправила плечи Тесс.

– Тогда прошу вас подойти к скамье Совета, – сказал Консул, и Тесс поняла, что он имеет в виду длинную узкую скамью перед кафедрой. – Ваши друзья могут вас сопровождать, – добавил он.

Уилл пробормотал что-то под нос, но так тихо, что Тесс не расслышала. Троица медленно спустилась к кафедре, и девушка остановилась перед скамьей, не вполне понимая, что делать дальше. С такого расстояния она смогла рассмотреть, что глаза у Консула синие и вполне дружелюбные, а у Инквизитора – темные и мрачные, цветом напоминающие море перед грозой.

– Инквизитор Уайтлоу, – обратился к нему Консул. – Смертный меч, будьте любезны.

Инквизитор поднялся и вынул из складок синей мантии широкий клинок. Тесс сразу узнала длинное серебряное лезвие и рукоять в форме развернутых крыльев. Это был меч из Кодекса, тот самый, который ангел Разиэль достал из озера и вручил Джонатану, первому из Сумеречных охотников.

– Меллартак, – произнесла она имя клинка.

Консул взглянул на девушку с неподдельным изумлением.

– Я вижу, вы разбираетесь, – сказал он. – Должно быть,

у вас хороший учитель. Кто с вами занимается? Уильям? Джеймс?

– Тесс не нуждается в учителе, она все схватывает на лету, – бодро ответил Уилл. В мрачной атмосфере Совета его жизнерадостные интонации звучали чужеродно.

– И это еще одна причина, по которой ей не следует здесь находиться!

Тесс не нужно было оборачиваться, чтобы узнать говорившего. Бенедикт Лайтвуд тем временем продолжал:

– Это Совет Сумеречных охотников. Жителям Нижнего мира здесь не место, – жестко произнес он. – Смертный меч не заставит мисс Грей говорить правду, ведь она не одна из нас. Так какая польза от ее присутствия?

– Терпение, Бенедикт. – Консул Вейланд поднял меч с такой легкостью, будто тот ничего не весил. Но взгляд, которым он наградил Тесс, был куда тяжелее. Консул словно видел ее насквозь. – Мы не причиним вам зла, маленькая чародейка. Мы не преступим Закон.

– Не называйте меня чародейкой, – ошетибилась Тесс. – На мне нет колдовской метки.

Эти слова ей уже порядком надоело повторять, но прежде ее допрашивали только рядовые члены Конклава. Перед Консулом она предстала впервые. И от этого высокого мужчины веяло властью и могуществом, которых, по мнению Бенедикта Лайтвуда, так не хватало Шарлотте.

– Тогда кто же вы такая?

– Она не знает, – сухо сказал Инквизитор. – Безмолвные Братья тоже не смогли найти ответ.

– Вы можете сесть и дать показания, – помолчав, решил Консул. – Но вашим словам будет вполովину меньше веры, чем слову любого из Сумеречных охотников. – Он повернулся к Бранвеллам. – Генри, я освобождаю вас от участия в допросе. Можете сесть. Шарлотта, оставайтесь.

Тесс проглотила негодование и направилась к нижней скамье амфитеатра. Вскоре к ней присоединился Генри. Супруг Шарлотты выглядел изможденным, рыжие волосы торчали в разные стороны, будто уже и не помнили, когда к ним в последний раз прикасалась расческа. Джессамина тоже была здесь, в платье из бледно-коричневой альпаки; девушка смотрела по сторонам с таким видом, словно происходящее ей до смерти надоело. Тесс села на скамью, Уилл и Джем пристроились по бокам. Джем теперь сидел так близко, что она чувствовала тепло его руки.

Поначалу Совет ничем не отличался от заседаний Конклава, на которых Тесс уже доводилось присутствовать. Консул попросил Шарлотту поведать о событиях той ночи, когда Сумеречные охотники напали на убежище де Куинси, уничтожив самого вампира и тех немногочисленных последователей, которые оставались при нем. Пока нефилимы расправлялись с де Куинси, Натаниэль, брат Тесс, помог Акселю Мортмейну – известному как Магистр – проникнуть в Институт, где он убил двух служителей и чуть не похитил саму

Тесс. Когда девушку вызвали для допроса, она повторила то, что говорила уже много раз: что она понятия не имела, где находится ее брат, и никак не могла заподозрить в нем предателя; что до встречи с Темными Сестрами она ничего не знала о своих способностях и всегда считала, что ее родители принадлежат к человеческому роду.

– Мы тщательно изучили биографии Ричарда и Элизабет Грей, и у нас нет никаких причин полагать, что они не были людьми, – выступил Инквизитор. – Их сын тоже, несомненно, человек. Допускаю, что Мортмейн говорил правду, и отец девочки на самом деле демон, но тогда на ее теле имела бы колдовская метка.

– Вы полны загадок, мисс Грей, но особый интерес представляют ваши способности, – Консул посмотрел Тесс в глаза; взгляд его был прямым и спокойным. – Вы не знаете, каковы их пределы. Вы пытались перевоплотиться в Мортмейна, чтобы проникнуть в его воспоминания?

– Да, пыталась. Он потерял пуговицу. Я думала, это срабатывает, но...

– Но?

Тесс покачала головой.

– Ничего не получилось. В ней не чувствовалось жизни. Мне не за что было зацепиться.

– Как удобно, – пробормотал Бенедикт, едва слышно, но слова его все же достигли ушей Тесс. Девушка вспыхнула, но промолчала. Консул жестом велел ей возвращаться на

скамью; на обратном пути она бросила взгляд на Бенедикта Лайтвуда. Тот сидел, сжав губы в тонкую, злобную линию. Интересно, чем же она ему так насолила?

– И никто не видел Мортмейна после его... ссоры с мисс Грей в Святилище, – продолжил Консул после того, как Тесс вернулась на свое место.

Инквизитор взял с кафедры несколько листов и быстро пробежал по ним взглядом.

– Мы обыскали дом Мортмейна и не нашли там его личных вещей. Со складами и заводами та же история. Мы подключили к делу наших друзей из Скотланд-Ярда, но они пришли к тому же неутешительному выводу: Мортмейн исчез. В буквальном смысле, как и говорил Уильям Эрондейл.

Уилл одарил Инквизитора ослепительной улыбкой, словно благодаря за комплимент, но Тесс подумала, что его улыбка напоминает скорее блеск обнаженного клинка, чем выражение признательности.

– Я предлагаю объявить выговор Шарлотте и Генри Бранвеллам. В дополнение к этому следующие три месяца они должны будут согласовывать со мной все действия Лондонского Конклава и...

– Лорд Консул! – прозвучал в толпе громкий чистый голос. Головы собравшихся повернулись на голос, и Тесс окончательно убедилась, что прервать речь Консула – поступок из ряда вон выходящий. – Позвольте мне сказать!

Вейланд вопросительно поднял брови.

– Бенедикт Лайтвуд, у вас была возможность высказаться во время допроса свидетелей.

– У меня нет вопросов к свидетелям, – ответил Лайтвуд. В колдовском свете его худой носатый профиль еще больше заострился. – Я протестую против вашего решения по поводу Бранвеллов.

Консул наклонился над кафедрой. Тесс невольно подумала, что своими могучими руками он без труда может свернуть Лайтвуду шею. И она бы не возражала против такого исхода.

– И почему же? – спросил Вейланд.

– Думаю, давняя дружба с семейством Фэйрчайлд заставляет вас закрывать глаза на то, что Шарлотта не справляется с обязанностями главы Института, – ответил Бенедикт, и присутствующие дружно затаили дыхание. – Ошибки, которые она допустила в ночь на пятое июля, не просто опорочили Конклав и привели к потере пиксиды. Напрасное нападение на де Куинси стоило нам хороших отношений с Нижним миром.

– С прошениями о возмещении ущерба разберутся соответственно Закону, – пророкотал Вейланд. – Это не ваша забота, Бенедикт...

– И что хуже всего, – возвысил голос Лайтвуд, – она позволила уйти опасному преступнику, который намеревается уничтожить Сумеречных охотников. Из-за нее мы теперь понятия не имеем, где он. Я считаю, что ответственность за по-

имку Мортмейна должна целиком и полностью лечь на плечи тех, кто его упустил.

Слова Лайтвуда взбудоражили собравшихся; лицо Шарлотты выдавало крайнее смятение, Генри выглядел смущенным, а Уилл побагровел от ярости. При упоминании семейства Фэйрчайлд (должно быть, такую фамилию носили родители Шарлотты) глаза Консула опасно потемнели, но он хранил молчание до тех пор, пока шум в зале не утих. Потом он заговорил:

– Враждебность по отношению к главе своего Конклава не делает тебе чести, Бенедикт.

– Прошу прощения, Консул. Но я убежден, что сохранение этой должности за Шарлоттой – а все мы знаем, что Генри Бранвелл практически не принимает участия в управлении Институтом, – не в интересах Конклава. Женщина не может возглавлять Институт. Женщины руководствуются не логикой и трезвым расчетом, но сердцем и чувствами. Шарлотта, вне всякого сомнения, достойная женщина, но мужчина вряд ли позволил бы обмануть себя такому ничтожеству, как Натаниэль Грей.

– Я тоже ничего не заподозрил! – Уилл вскочил на ноги и повернулся к Лайтвуду, сверля его взглядом. – Он всех нас одурачил. Хотите упрекнуть в недостатке ума и меня, и Джема, и Генри, мистер Лайтвуд?

– Вы с Джемом еще дети, – отрезал Бенедикт. – А Генри редко видит дальше своего рабочего стола.

Уилл принялся было карабкаться по скамьям вверх, желая добраться до Лайтвуда, но Джем силой заставил его сесть на место и принялся что-то яростно шептать. Джессамина хлопнула в ладоши; глаза девушки блестели от возбуждения.

– Ну наконец хоть что-то интересное!

– Ты понимаешь, что происходит? Он оскорбляет Шарлотту! – негодуяще прошептала Тесс, но Джессамина только отмахнулась.

– И кто же, по вашему мнению, должен встать во главе Института? – спросил Вейланд, даже не пытаясь скрыть сарказм. – Может быть, вы?

– Раз уж вы предлагаете... – Бенедикт развел руками, но прежде, чем он успел договорить, трое присутствующих поднялись со своих мест. Двое принадлежали к лондонскому Конклаву, но имен их Тесс не знала. Третьей была Лилиан Хайсмит.

Бенедикт улыбнулся. Теперь все взгляды были прикованы к нему. Даже Габриэль не сводил с отца своих непроницаемо-зеленых глаз. Худые пальцы Лайтвуда-младшего вцепились в спинку переднего кресла.

– Три Сумеречных охотника поддержали мою кандидатуру, – объявил Лайтвуд. – По Закону это позволяет мне бросить вызов Шарлотте Бранвелл, главе лондонского Конклава.

Шарлотта тихо ахнула, но не обернулась, продолжая неподвижно сидеть в кресле. Джем все еще держал Уилла за ру-

кав, а Джессамина следила за происходящим, как за увлекательным представлением в театре.

– Нет, – сказал Консул.

– Вы не можете помешать мне бросить вызов...

– Бенедикт, вы с самого начала были против назначения Шарлотты. Вы всегда хотели возглавить Институт. И сейчас, когда Конклав более чем когда-либо нуждается в единстве, вы вносите раздор в Совет.

– Перемены не всегда проходят безболезненно, но это не значит, что мы должны от них отказаться. Я выдвигаю свою кандидатуру, – безапелляционно заявил Лайтвуд, сцепив руки перед собой.

Консул побарабанил пальцами по кафедре. Стоявший рядом Инквизитор хранил холодное молчание. Наконец Консул заговорил:

– Бенедикт, вы сказали, что ответственность за поимку Мортмейна должна лежать на тех, кто его упустил. Вы ведь не станете возражать, что Магистр сейчас представляет для нас наибольшую важность?

Бенедикт коротко кивнул, еще не понимая, к чему клонит Вейланд.

– Я предлагаю следующее: пусть Бранвеллы займутся поисками Мортмейна. Если через две недели они не выяснят, где он, или хотя бы не нападут на след, я вынесу на Совет вопрос о смене главы Института.

Шарлотта дернулась вперед.

– Мы с Генри должны найти Мортмейна без помощи Конклава? – спросила она звенящим голосом.

Консул посмотрел на Шарлотту с сочувствием и укоризной. Он признавал вину своей ставленницы и не пытался этого скрыть.

– Вы можете обращаться за помощью к другим членам Конклава, если возникнет особая необходимость. И конечно, Безмолвные Братья и Железные Сестры будут к вашим услугам. Но за расследование отвечаете вы двое.

– Мне это не нравится, – подала голос Лилиан Хайсмит. – Вы превращаете поиски безумца в борьбу за власть.

– То есть вы больше не поддерживаете кандидатуру Бенедикта? – невинно поинтересовался Консул. – В таком случае Бранвеллам нет нужды доказывать свою дееспособность.

Лилиан открыла рот – и закрыла его, посмотрев на Лайтвуда.

– Мы только что потеряли двоих слуг, – напряженно произнесла Шарлотта. – Без них...

– Институт обеспечат новыми слугами в соответствии с протоколом, – ответил Консул. – Сирил, брат Томаса, которому уже случалось работать в Институте, сейчас направляется сюда из Брайтона. А дублинский Институт уступит вам вторую кухарку. И тот, и другая – хорошие бойцы. Не помещало бы и прежним быть таковыми.

– Они и были хорошими бойцами! – запротестовал Генри.

– Но в вашем доме есть и те, кто сражаться не умеет, –

едко заметил Бенедикт. – И я сейчас говорю не только о мисс Лавлейс, которая прискорбно отстала в своих тренировках, но и о вашей горничной Софи, и об этой девушке из Нижнего мира... – Он указал на Тесс. – Раз уж вы собираетесь оставить ее у себя, ей тоже следует кое-чему поучиться.

– Это он сейчас обо мне? – Тесс удивленно посмотрела на Джема. Тот угрюмо кивнул.

– Но я не могу... Я же сама себе ногу отрублю!

– Если хочешь отрубить кому-нибудь ногу, рекомендую обратить внимание на Бенедикта, – пробормотал Уилл.

– Все будет хорошо, Тесс, – попытался успокоить ее Джем. – Я не сомневаюсь, что ты справишься...

Конец его фразы заглушил вновь заговоривший Бенедикт:

– А поскольку вы будете заняты поисками Мортмейна, предлагаю направить в Институт моих сыновей, Габриэля и Гидеона. Гидеон сейчас как раз возвращается из Испании. Они оба – превосходные бойцы и, я уверен, смогут многому научить ваших подопечных.

– Отец! – возмущенно воскликнул Габриэль. Судя по его испуганному лицу, Бенедикт ни о чем подобном сына не предупреждал.

– Мы сами можем тренировать наших слуг, – отрезала Шарлотта, но Консул недовольно покачал головой.

– Бенедикт Лайтвуд делает вам щедрое предложение. Советую его принять.

Шарлотта побагровела от ярости, но после долгого мол-

чания все-таки кивнула, соглашаясь с Консулом. У Тесс закружилась голова. Ее научат сражаться? Драться, метать ножи, обращаться с мечом? Конечно, Капитала из «Невидимой руки»⁵умела сражаться не хуже мужчин – и одевалась, как мужчина. Но то, что Тесс нравилась эта героиня, еще не значило, что она хотела во всем на нее походить.

– Хорошо, – сказал Консул. – Объявляю заседание Совета закрытым. Следующее состоится через две недели. Прошу всех разойтись.

Естественно, сразу никто никуда не ушел. В зале стало шумно: Сумеречные охотники вставали со скамей и оживленно переговаривались с соседями. Шарлотта сидела неподвижно, глядя прямо перед собой; Генри робко положил руку ей на плечо. Тесс видела: он мучительно пытается подобрать слова, чтобы подбодрить жену. Габриэль Лайтвуд неотрывно следил за четой Бранвелл, но отвел глаза, когда Уилл посмотрел в его сторону.

Наконец Шарлотта медленно поднялась. Рука Генри теперь лежала у нее на спине; он что-то шептал, но Шарлотта ему не отвечала. Джессамина со скучающим видом крутила в руках новый зонтик, который Генри сделал ей взамен прежнего, погибшего в схватке с автоматами Мортмейна. Волосы девушки были уложены в тугие локоны, напоминавшие гроздья винограда. Увидев, что Шарлотта направилась к центральному выходу, Тесс поспешила за ней. Со всех сто-

⁵ «Невидимая рука» – роман Э. Д. Э. Н. Саутворт и Джоанны Добсон.

рон доносились шепотки, и девушка невольно ловила одни и те же слова «Шарлотта», «Бенедикт», «никогда не найдут Магистра», «две недели», «вызов», «Консул», «Мортмейн», «Конклав», «позор».

Шарлотта шла, высоко подняв голову; щеки ее горели, но маленькая женщина держалась так, словно ей и дела нет до этих разговоров. Уилл готов был в любой момент броситься в толпу, чтобы укоротить пару-тройку языков, но Джем продолжал крепко держать своего парабата за рукав. Тесс невольно подумала, что так, наверное, чувствует себя владелец невоспитанной собаки, которая в любой момент может кинуться на гостей. Ни на секунду нельзя выпустить поводок из рук. Джессамина выглядела так, будто происходящее не имеет к ней никакого отношения; ей определенно было безразлично, что Конклав думает о ней – и об остальных обитателях Института.

Когда они подошли к дверям зала Совета, Шарлотта уже практически бежала. Опомнившись, она на секунду замедлила шаг, чтобы дать остальным нагнать ее. Толпа утекала в левый коридор, по которому Джем с Уиллом привели сюда Тесс, но Шарлотта повернула направо, скрылась за углом и только там остановилась.

– Шарлотта? – встревоженно окликнул жену Генри. – Дорогая...

Та в ответ размахнулась и изо всех сил пнула стену. Камень покорно принял ее удар, а вот Шарлотта вскрикнула от

боли.

– Боже мой! – протянула Джессамина, прокручивая в руках зонтик.

– Там в зале Совета сидит Бенедикт, – подал голос Уилл. – Рекомендую пойти и вместо стены пнуть его. Только цельтесь, пожалуйста, чуть выше и чуть левее...

– Шарлотта! – Этот глубокий, чуть хриплый голос невозможно было не узнать. Шарлотта обернулась, глядя на Консула расширившимися от гнева глазами.

Глава Конклава шел по коридору прямо к ним; вышитые на рукавах мантии серебряные руны поблескивали в полумраке. Взгляд его был прикован к Шарлотте, но она стояла неподвижно, опершись рукой на стену.

– Шарлотта, – повторил Вейланд, – помнишь, отец говорил тебе, что нужно держать себя в руках?

– Помню, – коротко ответила Шарлотта. – А еще он говорил, что лучше бы у него родился сын, – горько добавила она. – Будь я мужчиной, вы, верно, обошлись бы со мной иначе.

– И как же я с тобой обошелся? – спросил Консул.

– Как с маленькой девочкой, которую нужно поставить в угол.

– Шарлотта, я назначил тебя главой Института и лондонского Анклава, – сердито произнес Вейланд. – Но я сделал это не только из любви и глубокого уважения к Гренвиллу Фэйрчайлду, который хотел, чтобы дочь заняла его место.

Прежде всего я выбрал тебя потому, что ты подходишь для этой работы.

– Вы и Генри назначили, – напомнила Шарлотта. – И даже сказали, что Конклав может принять в качестве главы семейную пару, но не женщину.

– Что ж, ты добилась своего, Шарлотта. Не думаю, что кто-либо в лондонском Конклаве считает, будто всем заправляет Генри.

– Так и есть, – подтвердил Генри, глядя на носки своих ботинок. – Все знают, что толку от меня немного. Консул, это я виноват в случившемся...

– Нет, – резко ответил Консул. – Виновато раздутое самомнение некоторых членов Конклава, неудачное стечение обстоятельств – и принятые тобой решения, Шарлотта. И да, ты несешь за них ответственность.

– То есть вы согласны с Бенедиктом! – вскричала Шарлотта.

– Бенедикт Лайтвуд – мерзавец и лицемер, – устало сказал Консул. – И это ни для кого не секрет. Но он имеет политический вес, так что лучше успокоить Лайтвуда небольшим представлением, чем игнорировать его выпады – и нажить себе врага.

– Представление? Вот, значит, как это называется? – сдавленным голосом проговорила Шарлотта. – Вы поставили передо мной непосильную задачу.

– Я поручил тебе отыскать Магистра. Человека, который

вломился в Институт, убил твоих слуг, забрал пиксиду и сейчас создает армию механических чудовищ для истребления Сумеречных охотников. То есть преступника, которого необходимо остановить. Как глава Конклава ты обязана его найти. И если ты считаешь, что задача тебе не по силам, стоит спросить себя, почему ты так держишься за свое место.

2. Наказание

*Делись своими бедами! Любую
Беду охотно на себя приму я.*

Александр Поуп, «Элоиза Абеляру»⁶

Тесс потеряла глаза: от усталости ей уже начинало казаться, что колдовской камень в библиотеке мигает, словно затухающая свеча, хотя она понимала, что, в отличие от настоящего огня и газовых ламп, волшебный свет всегда горит одинаково ровно, а если гаснет, то в один миг.

Посмотрев по сторонам, Тесс обнаружила, что устала не одна она. В библиотеке Института было непривычно многолюдно. Во главе длинного стола сидела Шарлотта, справа от Тесс расположился Генри. Уилл и Джем устроились напротив, и только Джессамина предпочла отодвинуться как можно дальше от остальных. Стол был завален старыми газетами, книгами и бумагами, исписанными мелким почерком. Там можно было найти фамильное древо Мортмейна и всех его родственников, книги по истории механических людей, сборники заклинаний по вызову демонов и привязке демонической энергии, а также всю информацию о «Клубе Пандемониум», которую удалось раскопать в своих архивах

⁶ Пер. Д. Веденяпина.

Безмолвным Братьям.

Тесс сидела над стопкой газет: ей поручили найти заметки о Мортмейне и его судоходной компании. В какой-то момент девушка поняла, что буквы расплываются у нее перед глазами, и с облегчением вздохнула, когда Джессамина нарушила царившее в библиотеке сосредоточенное молчание.

– Шарлотта, мне кажется, мы только зря тратим время, – сказала Сумеречная охотница, отпихивая в сторону пухлый том «Орудий колдовства».

Шарлотта посмотрела на нее со страдальческим выражением лица.

– Джессамина, ты не обязана всем этим заниматься, если не хочешь. Честно говоря, мы и не рассчитывали, что ты к нам присоединишься. Ты никогда не уделяла особого внимания учебе и вряд ли понимаешь, что именно нужно искать. Сомневаюсь, что ты способна отличить заклинание призыва от заклинания привязки.

Тесс удивленно посмотрела на главу Института. Шарлотта редко позволяла себе такую резкость.

– Я хочу помочь, – надулась Джесси. – Механические чудища Мортмейна меня чуть не убили. Я хочу, чтобы его поймали и наказали.

– Нет, – сказал Уилл, раскручивая похрустывающий от старости свиток, исписанный блестящими черными символами. – Ты хочешь, чтобы поймали и наказали брата Тесс. Ведь он, подлец, делал вид, что влюблен в тебя.

– Вовсе нет! – вспыхнула Джессамина. – Я не... То есть... Шарлотта, Уилл просто невыносим!

– А солнце встает на востоке, – пробормотал Джем, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Разве это так сложно понять? Я не хочу, чтобы меня вышвырнули из Института! – воскликнула Джессамина. – А ведь так и случится, если мы не поймаем Магистра.

– Зачем кому-то тебя выгонять? – поднял бровь Уилл. – Это Шарлотте следует беспокоиться. А тебя Лайтвуд точно оставит. У него два сына на выданье, – хмыкнул он.

– Делать мне нечего, кроме как выходить замуж за нефилима, – скривилась Джессамина.

– Джессамина, но ты же сама Сумеречный охотник! – напомнил Уилл.

Прежде чем Джессамина успела ответить, дверь библиотеки распахнулась, и вошла Софи в белом чепце. Горничная что-то тихо сказала Шарлотте, и та немедленно встала.

– Брат Енох здесь, – сообщила она собравшимся. – Мне нужно с ним поговорить. Уилл, Джессамина, постарайтесь не прикончить друг друга, пока меня не будет. Генри, не мог бы ты...

Она оборвала себя на полуслове: Генри сидел, уткнувшись в «Книгу удивительных механизмов» аль-Джазари и полностью отрешившись от остального мира. Махнув рукой, Шарлотта вышла из библиотеки вслед за Софи.

Едва за ней закрылась дверь, Джессамина повернулась к

Уиллу.

– Если вы полагаете, что у меня недостаточно знаний для такой работы, то что *она* здесь делает? – ядовито процедила она, кивая на Тесс. – Не хочу показаться грубой, но вряд ли мисс Грей способна отличить одно заклинание от другого. А ты сам-то, Уилл? Что-то я не заметила, чтобы ты был прилежным учеником. Сможешь отличить заклинание призыва от рецепта суфле?

Уилл откинулся на спинку стула и мечтательно произнес:

– Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли.

– Джессамина, Тесс любезно предложила свою помощь, а нам сейчас нужна каждая пара глаз, – строго произнес Джем. – Уилл, не цитируй «Гамлета» всеу. Генри... – Джем откашлялся. – ГЕНРИ!

Муж Шарлотты наконец оторвался от книги:

– Да, дорогая! – Он завертел головой, ища Шарлотту. – А где?..

– Ушла на встречу с Безмолвными Братьями, – ответил Джем, которого ничуть не задело то обстоятельство, что Генри спутал его с женой. – Я хочу сказать, что, боюсь, Джессамина права.

– А солнце встает на *западе*, – подал голос Уилл, от которого, очевидно, не укрылось прошлое замечание Джема.

– Но почему? – спросила Тесс. – Сдаться сейчас – значит преподнести Лайтвуду Институт на блюдечке!

– Я не предлагаю сидеть сложа руки. Но, пойми, сейчас мы пытаемся выяснить, каков будет следующий шаг Мортмейна. То есть гадаем на кофейной гуще вместо того, чтобы разобраться в его прошлом.

– О прошлом Мортмейна нам известно достаточно. Как и о его планах. – Уилл махнул рукой в сторону газет. – Родился в Дэвоне, работал судовым врачом, стал торговцем, разбогател, увлекся темной магией – и теперь собирается завоевать мир при помощи армии механических чудовищ. Обычная история целеустремленного молодого человека...

– Не помню, чтобы он говорил о завоевании мира, – перебила его Тесс. – Кажется, его интересует только Британская империя.

– Какая восхитительная скромность, – пробормотал Уилл и повысил голос. – Я хочу сказать, что нам известно, откуда Мортмейн взялся. И не наша вина, что его прошлое недостаточно интересно. Только если... – Сумеречный охотник вдруг замолчал, уставившись в пространство.

– Только если что? – спросила Джессамина, раздраженно переводя взгляд с Уилла на Джема. – Знаете, у меня мурашки по коже от вашей манеры читать мысли друг друга.

– Джем хотел сказать – и я склонен с ним согласиться, – что биография Мортмейна – полнейший вздор, – закончил свою мысль Уилл. – Что-то в ней – ложь, а что-то – правда, но даже подлинные факты не представляют для нас никакого интереса. Большую часть своей жизни он выдумал, чтобы

газетам было о чем писать. К тому же нам совершенно не важно, сколько кораблей находится в его распоряжении. Мы хотим узнать, где он обучался черной магии. И кто был его учителем.

– А еще – почему он ненавидит Сумеречных охотников, – добавила Тесс.

– Ненавидит? – лениво посмотрел на нее Уилл. – Как я понял, им движет исключительно жажда власти. А мы – единственное, что стоит у него на пути.

– Не в этом дело, – покачала головой Тесс. – Мне трудно объяснить, но он действительно ненавидит нефилимов. Тут что-то личное. И оно связано с теми часами. Такое чувство, будто Мортмейн хочет отомстить Сумеречным охотникам за какое-то зло, которое они ему причинили.

– Отмщение, – задумчиво произнес Джем, а потом вдруг резко опустил перо. – Возмещение!

– Это игра такая? – озадаченно воззрился на него Уилл. – Мы теперь выкрикиваем первое странное слово, которое придет в голову? Тогда я выбираю «генуфобию». Это необъяснимая боязнь коленок, – пояснил он.

– Интересно, как тогда называется вполне объяснимая боязнь идиотов? – спросила Джессамина.

– Отдел Возмещений в архиве, – сказал Джем, не обращая внимания на них обоих. – Консул упомянул о нем вчера, и я никак не мог выкинуть его слова из головы.

– Возмещение? – непонимающе нахмурилась Тесс.

– Если Сумеречный охотник нарушит Закон, житель Нижнего мира или простец может подать жалобу и потребовать Возмещение. Доказав на суде свою правоту, податель жалобы получит компенсацию.

– Откровенно говоря, звучит довольно глупо, – хмыкнул Уилл. – Представляю официальную жалобу Мортмейна: «Противные Сумеречные охотники отказались умирать. Требую компенсации. Пожалуйста, вышлите чек А. Мортмейну по адресу: Кенсингтон-Роуд, 18».

– Хватит ерничать, – устало потер виски Джем. – Возможно, он не всегда мечтал истребить Сумеречных охотников. Не исключено, что когда-то он пытался добиться возмещения законным путем, но у него не вышло. Почему бы не проверить? В самом худшем случае мы просто не узнаем ничего нового и зря потратим время. Но ведь мы и сейчас занимаемся тем же самым, – хмуро заключил он, после чего встал и откинул со лба серебристую челку. – Пойду к Шарлотте, пока Брат Енох не ушел. Надо попросить Безмолвных Братьев покопаться в архивах.

Тесс тоже вскочила: ее ничуть не привлекала перспектива остаться в библиотеке с Уиллом и Джессаминой. Если эти двое сцепятся друг с другом, разнимать их будет некому: Генри незаметно прикорнул на кипе книг, да и в любом случае проку от него было бы мало. Так или иначе, в последнее время Тесс могла находиться в присутствии Уилла, только если Джем был рядом. Он незаметно сглаживал острые углы

и делал Эрондейла почти человеческим.

– Я с тобой, – сказала она. – Мне тоже нужно поговорить с Шарлоттой.

Джем выглядел удивленным, но довольным. Уилл посмотрел на них обоих с непонятым выражением лица и резко встал, отодвинув стул.

– Мы уже несколько дней торчим среди этих пыльных книг, – объявил он. – Мои прекрасные глаза устали, а еще я порезал палец бумагой. Видите? – Уилл растопырил пальцы. – Мне нужно прогуляться.

– Ты мог бы залечить их руной *ираци*, – не удержалась Тесс.

Уилл повернулся к девушке. Да, его глаза и вправду были прекрасными.

– Что бы я делал без твоих советов? – саркастически произнес он.

– Рада быть полезной, – сказала она, не отводя взгляд.

Джем положил руку ей на плечо и напряженным голосом проговорил:

– Тесс, Уилл, я не думаю...

Но Уилл уже схватил пальто и направился к выходу. Оглушительно хлопнув дверью, нефилим покинул библиотеку.

– Все интереснее и интереснее... – протянула Джессамина, проводив его задумчивым взглядом.

Тесс дрожащей рукой поправила выбившийся из прически локон. Она ненавидела Уилла за то, как он на нее дей-

ствовал. Ненавидела. Ведь она знала, что он о ней думает. Знала, что для него она – всего лишь пустое место. Даже хуже. И все-таки одного его взгляда хватало, чтобы в ее душе вскипала жгучая смесь ненависти и томления. Эти чувства отравляли кровь, подобно яду, и Джем был единственным противоядием.

– Идем, – сказал Джем, осторожно беря ее за руку. Обычно джентльмены не позволяют себе таких вольностей при посторонних, но в стенах Института Сумеречные охотники обращались друг с другом запросто, не обращая внимания на условности. Когда Тесс повернулась к Джему, тот улыбнулся с невероятной искренностью, не только губами, но глазами, сердцем и всем своим существом. – Нужно найти Шарлотту.

– А мне что прикажете делать? – сердито надулась Джессамина.

– Можешь разбудить Генри, – бросил через плечо Джем. – Кажется, он снова ест бумагу во сне. Ты же знаешь, Шарлотту это бесит.

– Да чтоб вас всех! – буркнула Джессамина. – Вечно мне достаются самые глупые задания!

– От серьезных ты сама отказываешься, – ответил Джем; Тесс впервые видела его таким раздраженным. Они направились к выходу, и ни один из них не заметил ледяного взгляда, которым проводила их Сумеречная охотница.

– Мистер Бейн ожидает вас, сэр, – сказал открывший

дверь лакей, отходя в сторону, чтобы дать Уиллу пройти. Лакей был из порабощенных Камиллой людей, и Уилл вечно забывал, как его зовут: то ли Арчер, то ли Уокер. Подобно другим жертвам вампирозависимости, вид он имел нездоровый: бледная кожа цветом напоминала пергамент, а тонкие волосы свисали сальными прядями. На Уилла он смотрел как на слизняка, внезапно вылезшего из салата на тарелке.

Едва Сумеречный охотник переступил порог, как в нос ему ударил густой запах черной магии – этакая смесь серы и ароматов Темзы в жаркий день. Уилл скривился, и лакей посмотрел на него с еще большим отвращением.

– Мистер Бейн в гостиной. – Судя по всему, слуга не собирался сопровождать гостя. – Могу я взять ваше пальто?

– В этом нет необходимости, – мотнул головой Уилл и пошел на запах черной магии – к гостиной, из-под закрытой двери которой тянулись струйки дыма. Вдохнув полной грудью горьковатый воздух, Уилл без стука вошел в комнату.

Внутри было на удивление пусто. Секунду спустя Уилл понял, что Магнус сдвинул к стене всю тяжелую тиковую мебель, включая пианино. С потолка свисала богато украшенная газовая люстра, но источником света была не она, а десятки толстых черных свечей, выстроившихся кругом в центре гостиной. Рядом с ними, с книгой в руках, стоял Магнус: старомодный шейный платок болтался на груди, а черные волосы чародея торчали во все стороны, будто его ударило током. При виде Уилла Магнус оторвался от книги и

улыбнулся.

– Очень вовремя! – воскликнул он. – Думаю, на сей раз мы все сделали правильно. Уилл, позволь представить тебе Таммуза, младшего демона из восьмого измерения. Таммуз, познакомься с Уиллом, Сумеречным охотником из... Уэльса?

– Я вырву тебе глаза! – прошипело существо, сидевшее в центре свечного круга. Это, без всякого сомнения, был демон – трех футов в высоту, с бледно-синей кожей, пылающими, как черные угли, глазами, и длинными кроваво-красными когтями на восьмипалых руках. – Сдеру кожу с твоего лица!

– Не груби, Таммуз, – пожурил его Магнус, и хотя тон его был совсем не грозным, свечи вдруг полыхнули, и демон в страхе съежился и заскулил. – Уилл хочет задать тебе несколько вопросов. И ты на них ответишь.

– Не знаю, Магнус, – покачал головой Сумеречный охотник. – Кажется, это не тот.

– Ты сказал, что нужен синий. Вот тебе синий.

– Ну да, он синий, – признал Уилл, подходя к горящему кругу. – Но тот демон был темно-синим, а этот по цвету похож на... фиалку.

– Как ты меня назвал?! – взъярился демон. – Подойди поближе, Сумеречный охотник, и я сожру твою печень, приправив ее мольбами о пощаде!

Уилл повернулся к Магнусу.

– Голос не похож, – уверенно сказал он. – И глаз больше, чем нужно.

– Ты уверен?

– Абсолютно, – ответил Уилл голосом, не терпящим возражений. – Я не смог бы его забыть, даже если бы очень захотел.

Чародей вздохнул и повернулся к демону.

– Таммуз, – сказал он, глядя одним глазом в книгу. – Властью, данной мне колоколом, книгой и свечой, заклинаю тебя именами Самаэля, Абаддона и Молоха говорить только правду. Встречался ли ты до сего дня с Сумеречным охотником по имени Уилл Эрондейл – или с кем-либо из его рода?

– Не знаю, – недовольно ответил демон. – Люди все на одно лицо.

– Не смей уваливать! – прикрикнул Магнус на Таммуза.

– Ох, ну ладно. Нет, я никогда прежде не видел этого человека. Я бы запомнил, выглядит он аппетитно. – Демон ухмыльнулся, демонстрируя острые, как бритва, зубы. – Я не бывал в этом мире лет сто, а то и больше. Никак не могу запомнить разницу между сотней и тысячей. Так или иначе, когда я приходил сюда в прошлый раз, люди жили в глиняных хижинах и ели жуков. Сомневаюсь, что мог его встретить. – Он ткнул длинным пальцем в Уилла. – Или я чего-то не знаю о смертных.

Магнус закатил глаза.

– Ты не собираешься мне помогать?

Демон чисто по-человечески пожал плечами.

– Ты приказал мне говорить правду. Я говорю.

– Тогда, может быть, ты слышал о демоне, который подходит под мое описание? – спросил Уилл с ноткой отчаяния в голосе. – Темно-синий, с хриплым голосом и длинным шипастым хвостом.

Лицо Таммуза приняло выражение крайней скуки.

– Нефилим, ты хоть представляешь, сколько демонов обитает в преисподней? Сотни и сотни миллионов. Ваш Лондон – жалкая деревенька по сравнению с великим городом демонов. Демоны всех мастей, всех размеров и цветов. Некоторые могут по желанию изменять свою внешность...

– Ох, да утихни ты, все равно от тебя пользы никакой, – раздраженно буркнул Магнус и захлопнул книгу. Свечи тут же погасли, а демон испарился с удивленным воплем, оставив после себя облачко зловонного дыма.

Чародей повернулся к Уиллу.

– Я был уверен, что на этот раз мы не ошиблись.

– Это не твоя вина. – Уилл плюхнулся на стоявшую у стены оттоманку. Его бросало то в жар, то в холод, и он безуспешно пытался унять нервную дрожь. Рывком стянув перчатки, Уилл затолкал их в карман застегнутого на все пуговицы пальто. – Ты хотя бы попытался. Таммуз прав. Слишком мало информации.

– Я думал, ты рассказал мне все, что помнишь, – тихо произнес Магнус. – Ты открыл пиксиду и выпустил демона. Он

тебя проклял. Ты хочешь найти этого демона и выяснить, можно ли снять проклятие. Это все?

– Больше мне нечего добавить. Сам посуди, какой мне прок без нужды скрывать что-то важное? Ты и так пытаешься найти иголку даже не в стоге сена, а в башне, битком набитой иголками.

– Если сунуть руку в башню, набитую иголками, можно пораниться, – вздохнул Магнус. – Ты точно этого хочешь?

– Я знаю, что выбор у меня невелик, – ответил Уилл, глядя на оставшееся после демона темное пятно на полу. Он внезапно почувствовал, что очень устал. Нарисованная перед заседанием Совета бодрящая руна выдохлась к полудню, и теперь у него жутко болела голова. – Я прожил с проклятием пять лет. И мысль о том, чтобы жить с ним дальше, пугает меня даже больше, чем смерть.

– Ты же Сумеречный охотник! Ты не должен бояться смерти.

– Seriously? – поднял бровь Уилл. – Все боятся смерти. И я боюсь. Может, в наших жилах и течет ангельская кровь, но о том, что случится после смерти, мы знаем не больше вашего.

Магнус подошел и присел на оттоманку. Золотисто-зеленые глаза чародея мерцали в полумраке.

– После смерти придет забвение, – сказал он.

– Но ты же не можешь утверждать наверняка. Джем верит, что всех нас ждет перерождение. Мы умираем – и рождаем-

ся вновь теми, кем заслужили родиться. Думаю, я в следующей жизни буду слизняком, которого ретивый огородник посыплет солью, – заключил Уилл, пристально разглядывая обгрызенные ногти.

– Колесо перерождения, значит, – сказал Магнус, и губы его дернулись в улыбке. – Все может быть. В таком случае ты, верно, сделал в прошлой жизни что-то очень хорошее, нефилим.

– Конечно, – мертвым голосом откликнулся Уилл. – Поэтому-то мне так и повезло.

Откинув голову на спинку оттоманки, он тяжело вздохнул.

– Должно быть, тебе понадобятся новые... ингредиенты? Боюсь, старушку Молли уже тошнит от моего вида.

– В Лондоне есть и другие торговцы, – успокоил его Магнус. – К тому же для начала мне нужно будет провести кое-какие исследования. Если бы ты мог рассказать о природе проклятия...

– Нет, – резко сел Уилл. – Я не могу. Просто рассказывая о его существовании, я уже сильно рискую. Если я пойду дальше, то...

– То что? Позволь угадаю. Ты сам не знаешь, что случится, но вряд ли что-то хорошее.

– Не заставляй меня думать, что, обратившись к тебе, я совершил ошибку, – глухо ответил Эрондейл.

– Это как-то связано с Тесс?

– Тесс?

За последние пять лет Уилл научился не показывать эмоций, держа при себе радость, надежду и приязнь. Он и сейчас был уверен, что лицо его не дрогнуло, но опасался, что голос его все-таки подвел.

– Демон проклял тебя пять лет назад, но все эти годы ты и не думал обращаться за помощью.

Что же заставило тебя явиться ко мне на порог посреди ночи? Что произошло в Институте? Мне на ум приходит только юная сероглазая леди...

Уилл вскочил на ноги так быстро, что чуть не опрокинул оттоманку.

– Не в этом дело, – сказал он, следя за тем, чтобы на этот раз голос не выдал его чувств. – Джем умирает.

– Он умирает уже много лет, – спокойно посмотрел на него Магнус. – И его состояние никак не зависит от твоего проклятия.

Уилл заметил, что руки начали дрожать, и сжал их в кулаки.

– Ты не понимаешь...

– Я знаю, что вы с ним парабатаи, – сказал чародей. – И что его смерть станет для тебя страшной утратой. Но чего я не знаю...

– Ты знаешь все, что тебе нужно знать. – Уилл вдруг замерз, хотя в комнате было тепло, а он так и не снял пальто. – Я могу доплатить, чтобы ты перестал задавать лишние

вопросы.

– Тут не помогут никакие деньги, – покачал головой Магнус. – Но я сделаю над собой усилие и постараюсь уважать твою скрытность.

Уилл облегченно разжал кулаки.

– То есть ты не откажешься мне помочь?

– Нет. – Магнус заложил руки за голову, откинулся на спинку оттоманки и посмотрел на сумеречного охотника из-под полуприкрытых век. – Но если бы ты сказал мне всю правду, я бы смог сделать гораздо больше. Ты на редкость интересная личность, Уилл Эрондейл.

– Надеюсь, этого достаточно, чтобы ты не бросил поиски, – пожал плечами нефилим. – Когда ты попытаешься снова?

Магнус зевнул.

– На этих выходных, – ответил он, поразмыслив. – Я пришлю тебе весточку к субботе, если в деле наметится хоть какое-то продвижение.

Продвижение. Проклятие. Правда. Джем. Смерть. Тесс. Тесс, Тесс, Тесс. Ее имя звенело в голове Уилла, подобно колоколу; вряд ли какое-либо другое могло вызвать в его душе такой же отклик. Что было бы, назови ее родители иначе? Уилл не мог представить, как лежит без сна и таращится в потолок, а невидимые голоса нашептывают ему прямо в уши что-то мерзкое, вроде «Милдред». Но Тесс...

– Спасибо, – опомнившись, произнес Уилл. Его снова

бросило в жар, и он почувствовал, что в комнате удушающе пахнет свечным воском. – Значит, буду ждать от тебя новостей.

– Договорились, – кивнул Магнус и закрыл глаза. Уилл не понимал, заснул ли чародей на самом деле или он просто намекает, что гостю пора откланяться. Впрочем, он сам с радостью устремился к выходу.

Софи направлялась в комнату мисс Джессамины, чтобы вытереть пыль и почистить камин, когда в коридоре раздался голос. На прежнем месте работы девушку научили «уступать дорогу», то есть таращиться в стену, прикидываясь мебелью, пока хозяева проходят мимо. Оказавшись в Институте, она поначалу никак не могла привыкнуть к здешнему порядку вещей. Сперва Софи удивило, что в таком большом доме так мало слуг. Потом она узнала, что, в отличие от большинства представителей высокородных семейств, Сумеречные охотники не боятся запачкать руки: они сами разводят огонь, ходят за покупками и наводят порядок в оружейной и в зале для тренировок. Фамильярность, с которой Агата и Томас обращались со своими господами, тоже поначалу изумляла девушку – пока ей не объяснили, что они происходят из особых семей, поколениями служивших Сумеречным охотникам или сами обладавших необычными способностями.

Софи появилась на свет в бедном семействе, и когда нача-

ла работать служанкой, ей часто перепали тумачи и оплехи – за то, что не умела обращаться с дорогой мебелью, настоящим серебром и фарфором настолько тонким, что сквозь него просвечивал чай. Впрочем, девушка быстро училась; вскоре стало понятно, что она вырастет настоящей красавицей, и ее произвели в горничные. Софи не подозревала, какие опасности таит в себе новая работа. Помимо прочего, считалось, что горничная должна быть молодой, – и как только Софи исполнилось восемнадцать, с каждым годом ей платили все меньше и меньше.

Работа в Институте, где никому не было дела до ее возраста, где никто не требовал, чтобы она отворачивалась и палилась в стену или молчала, пока к ней не обратятся, стала для Софи настоящим подарком судьбы. Порой она даже ловила себя на мысли, что изуродованное лицо – не такая уж большая плата за новую жизнь. Она все еще избегала зеркал, но уже не испытывала прежнего ужаса перед собственным отражением. Джессамина, бывало, высказывалась по поводу безобразного шрама на щеке Софи, но остальные его словно не замечали. Кроме Уилла, хотя и тот говорил гадости редко и будто бы через силу.

Но все это было до того, как она влюбилась в Джема...

Софи сразу узнала его голос и смех. А также голос его спутницы. Девушка почувствовала, как сдавило грудь. Ревность. Софи презирала себя за нее, но ничего не могла поделать. Мисс Тесс всегда хорошо с ней обращалась и нужда-

лась в хорошем друге; невозможно было ее ненавидеть, но то, как смотрел на нее мистер Джем... И то, что Тесс этого не замечала...

Нет, Софи никак не могла столкнуться с ними в коридоре. Прижав к груди щетку и ведро для золы, она нырнула в ближайшую комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь, и прижалась глазом к замочной скважине. Как и большинство комнат в Институте, эта почти все время пустовала: она предназначалась для Сумеречных охотников, которые приезжали в Лондон по долгу службы. В свободных комнатах Софи наводила порядок раз в две недели, и в эту не заглядывала уже давно: потревоженные неожиданной гостьей пылинки танцевали в падавшем из окна свете, и девушка почувствовала непреодолимое желание чихнуть.

Она не ошиблась: по коридору действительно шли Джем и Тесс. Они были чрезвычайно увлечены разговором. Джем нес в руках какой-то сверток – кажется, сложенную форму для тренировок, – а Тесс смеялась над тем, что он сказал. Она смотрела чуть в сторону, и Джем наблюдал за ней, не опасаясь, что Тесс перехватит его взгляд. Выражение его лица было знакомо Софи: таким зачарованным Джем выглядел, только когда играл на скрипке.

Сердце болезненно кольнуло. Софи всегда находила Джема невероятно привлекательным. Большинство обращали внимание на Уилла, но для горничной Джем был в тысячу раз милее. При взгляде на него она вспоминала ангелов с

полотен прославленных живописцев, и хотя Софи понимала, что серебристый цвет волос и кожи – это лишь побочное действие лекарства, которое он принимает, но не любоваться им было невозможно. Добрый, надежный, спокойный Джем... Когда Софи представляла, как он отводит волосы, упавшие ей на лицо, девушку не пробирала дрожь отвращения, а ведь обычно ее ужасала сама мысль о том, чтобы к ней прикоснулся мужчина или даже мальчик. Руки Джема были удивительно нежными и изящными.

– Не могу поверить, что уже завтра они будут здесь, – сказала Тесс, снова поворачиваясь к Джему. – Меня не покидает ощущение, будто нас с Софи отдают в лапы Бенедикту Лайтвуду, чтобы задобрить его, как собаку – косточкой. Ведь в действительности ему нет никакого дела до того, умеем мы сражаться или нет. Он просто хочет, чтобы его сыновья торчали здесь и раздражали Шарлотту.

– Ты права, – признал Джем. – Но почему бы не извлечь выгоду из ситуации? Тренировки никому не помешают. Шарлотта изо всех сил пытается убедить Джессамину не отлынивать. А что до тебя... Учитывая твои способности, умение обороняться точно будет нелишним. Ведь даже если – точнее, когда – Мортмейн выйдет из игры, найдутся те, кто захочет ими воспользоваться против твоей воли.

Рука Тесс привычно потянулась к подвеске-ангелу; Софи много раз замечала за ней этот жест, но сама Тесс, кажется, не подозревала, как часто обращается к кулону за успокое-

нием.

– Представляю, что ответит Джесси, – хмыкнула она. – Скажет, что ей нужно обороняться только от привлекательных ухажеров.

– Может, скорее от непривлекательных? – удивленно посмотрел на нее Джем.

– Ну, если речь идет о простецах, разницы никакой, – ухмыльнулась Тесс. – Боюсь, Джессамина предпочтет красавцу-охотнику самого страшного простеца.

– Значит, у меня нет ни единого шанса, – с притворной грустью произнес Джем, и Тесс снова рассмеялась.

– Да уж. – Она покачала головой. – У такой красавицы, как Джесси, должен быть богатый выбор кавалеров, но она решительно настроена не связываться с Сумеречными охотниками...

– Ты гораздо красивее, – вдруг сказал Джем.

Щеки Тесс порозовели. Софи почувствовала, как ее вновь обуревают ревность, хотя в глубине души она была согласна с Джемом. Джессамина была красавицей в классическом понимании, этакой Венерой в миниатюре, но кислое выражение лица портило всю картину. А Тесс с ее густыми волнистыми волосами и серыми глазами подкупала в первую очередь обаянием и теплой улыбкой. Людей притягивали ее ум и чувство юмора, которыми Джессамина если и обладала, то предпочитала тщательно это скрывать.

Перед дверью мисс Джессамины Джем остановился и по-

стучал. Не дождавшись ответа, он пожал плечами и положил сверток с одеждой прямо на пол.

— Она ни за что это не наденет. — Тесс улыбнулась так, что на щеках у нее появились ямочки.

— Ну, я согласился только отнести Джессамине форму, а не переодевать ее.

Они пошли дальше по коридору, продолжая разговор.

— Не понимаю, как Шарлотта может общаться с Братом Енохом. У меня от него мурашки по коже, — призналась Тесс.

— Ну... — задумался Джем. — Лично я предпочитаю думать, что в домашней обстановке Безмолвные Братья куда больше похожи на нас. Что у себя в Городе Молчания они делают тосты с сыром, пьют чай...

— ...и играют в шарады, — подхватила Тесс. — С их-то способностями!

Джем прыснул со смеху, и они скрылись за углом. Софи привалилась спиной к двери и медленно осела на пол. У нее никогда не получалось рассмешить Джема. Да и ни у кого не получалось, кроме Уилла. Чтобы развеселить человека, нужно хорошо его знать. Она уже столько времени в него влюблена... Как вышло, что она совсем его не знает?

Тяжело вздохнув, Софи поднялась и собралась было покинуть свое убежище, но тут дверь в комнату мисс Джессамины отворилась и ее обитательница выглянула в коридор. Софи снова затаилась. Длинный бархатный плащ для прогулок укрывал мисс Джессамину с головы до пят. Ее волосы

были тщательно убраны, а в руке она держала мужскую шляпу. Скорчив гримаску, Джессамина пнула лежащую на полу форму (Софи с удивлением заметила, что на ногах у охотницы – мужские ботинки) и тихо закрыла за собой дверь. Убедившись, что в коридоре никого нет, Джессамина водрузила шляпу на голову, прикрыла лицо воротником плаща и скрылась в полумраке Института, оставив Софи недоумевать.

3. Неоправданная смерть

*Увы! Они в юности были друзья,
Но людской язык ядовит, как змея;
Лишь в небе верность суждена;
И юность напрасна, и жизнь мрачна;
И нами любимый бывает презрен;
И много на свете темных тайн.*

Сэмюэл Тейлор Кольридж, «Кристабель»⁷

На следующее утро после завтрака Шарлотта велела Тесс и Софи переодеться в форму и идти в зал для тренировок, где они вместе с Джемом должны были встретить братьев Лайтвудов. Джессамина, сославшись на головную боль, к завтраку не явилась, как и Уилл. Тесс подозревала, что он где-нибудь прятался, не желая расшаркиваться с незваными гостями. И, откровенно говоря, не могла его за это винить.

Вернувшись в комнату, она достала из шкафа форму для тренировок и внезапно занервничала. Прежде ей не доводилось надевать ничего подобного, и Софи не было рядом, чтобы помочь. Но, в конце концов, искусство самостоятельно облачиться в форму – тоже часть тренировок. Одевшись, Тесс окинула себя придирчивым взглядом: ботинки без каблучков, свободные штаны из плотного черного материала и

⁷ Пер. Г. Иванова.

длинная туника с поясом, доходившая почти до коленей. Тесс вспомнила, что в точно такой же форме сражалась с вампирами Шарлотта, и в таких же одеждах изображались Сумеречные охотники на иллюстрациях к Кодексу. Тогда туника и штаны показались ей странными, но вот теперь она сама расхаживает в них по комнате. Если бы тетушка Гарриет увидела сейчас свою племянницу, ее хватил бы удар.

Тесс встретила с Софи у подножия лестницы, которая вела в тренировочный зал Института. Вместо приветствий девушки молча обменялись ободряющими улыбками и двинулись вверх по ступенькам. Стараясь не прикасаться к перилам – таким старым, что запросто можно было всадить в палец занозу, – Тесс думала о том, как непривычно не поддерживать юбки и не бояться наступить на подол. В тренировочной форме она чувствовала себя практически голой, хотя та закрывала все тело.

Горничной, судя по всему, тоже было крайне неудобно. Когда они добрались до верха, Софи распахнула дверь, и они молча вошли в зал.

Комната для тренировок располагалась под самой крышей и примыкала к чердаку, превосходя его площадью раза в два. На отполированном деревянном полу там и сям виднелись черные круги и квадраты. Некоторые были пронумерованы. С потолочных балок свисали крепкие канаты, наполовину скрытые в темноте. На стенах мерцали колдовские огни; между подставками для них были развешаны булавы,

топоры и прочие орудия убийства.

– Выглядят жутковато, – нервно повела плечами Софи, окинув взглядом настенные украшения.

– Я уже встречала кое-что в Кодексе, – поделилась Тесс. – Это – боевой меч, это – рапира, а вон там вроде бы клеймора... ее нужно держать двумя руками.

– Почти все верно. – Голос донесся откуда-то сверху, и девушки вздрогнули от неожиданности. – Только это не клеймора, а меч палача, предназначенный для отрубания голов. Поэтому конец у него тупой.

Софи вскрикнула от удивления и отступила назад, когда один из канатов закачался и под потолком показался Джем. Спустившись по веревке с истинно кошачьим проворством, он легко спрыгнул на пол и улыбнулся.

– Прошу прощения, я не хотел вас напугать.

Сумеречный охотник тоже был одет в форму, хотя вместо туники на нем была рубашка с кожаной перевязью. За плечом Джема Тесс заметила рукоять меча. На фоне темной одежды его кожа казалась еще более бледной, а волосы – еще более серебристыми.

– И все же напугал, – с улыбкой сказала Тесс. – Но ничего страшного. Я уже боялась, что нам с Софи придется тренировать друг друга.

– Не волнуйтесь, Лайтвуды обязательно придут. Они хотят продемонстрировать, что никто им не указ, потому и опаздывают. Но они придут.

– Я бы хотела, чтобы ты нас тренировал, – вырвалось у Тесс.

Джем выглядел удивленным.

– Я не могу, я сам еще не закончил обучение, – сказал он, но в глазах его Тесс прочитала совсем другой ответ: «Боюсь, мое здоровье не позволит мне нормально вас тренировать». У девушки вдруг перехватило горло, и она не стала отводить взгляд в надежде, что Джем ощутит ее молчаливое сочувствие. А потом она поймала себя на том, что вдруг беспокоит скучный узел на затылке, в который она утром стянула волосы. Такая прическа ее совсем не красила. Но какая разница? Ведь это, в конце концов, всего лишь Джем.

– Нам ведь не нужно будет проходить весь курс обучения? – встревоженно спросила Софи, отвлекая Тесс от мыслей о прическе. – Консул сказал, что мы должны уметь защититься – и все...

Джем повернулся к горничной, резко оборвав связавшую его с Тесс невидимую нить.

– И это хорошо, что у тебя появилась возможность учиться, Софи, – мягко сказал он. – Такой красивой девушке стоит научиться отбиваться от непрошеного внимания.

Лицо Софи окаменело; шрам на щеке багровел, как грубый мазок кисти.

– Нехорошо так шутить, – тихо проговорила она.

– Софи, я не... – попытался извиниться Джем, но не успел: дверь тренировочного зала вновь распахнулась.

Габриэль Лайтвуд вошел первым, следом за ним – незнакомый Тесс молодой человек. Мускулистый и светловолосый, он разительно отличался от стройного, темноволосого Габриэля. Оба они были в тренировочной одежде; на дорожных перчатках поблескивали металлические заклепки, а на запястьях Тесс заметила серебряные ремни наручных ножен. На рукавах новоприбывших были вышиты одинаковые белые руны. И все же сходство их не исчерпывалось одеждой. Форма лица и бледная зелень глаз недвусмысленно намекали на то, что эти двое – близкие родственники. Тесс ничуть не удивилась, когда Габриэль представил спутника в своей обычной грубой манере:

– Вот, мы пришли, как и обещали. Джеймс, думаю, ты помнишь моего брата Гидеона. Мисс Грей, мисс Коллинз...

– Приятно познакомиться, – буркнул Гидеон, избегая смотреть им в глаза. Вспоминая слова Уилла о том, что по сравнению с братом Габриэль – просто душка, Тесс подумала, что хмурый нрав, похоже, у Лайтвудов в крови.

– Не волнуйся, Уилла здесь нет, – сказал Джем Габриэлю, заметив, что тот старательно оглядывает тренировочный зал. Габриэль нахмурился, но Джем уже повернулся к Гидеону. – Когда ты вернулся из Мадрида? – вежливо поинтересовался он.

– Отец вызвал меня недавно, – ровным голосом ответил Гидеон. – По семейным делам.

– Надеюсь, все в порядке...

– Все прекрасно, спасибо, Джеймс, – оборвал обмен любезностями Габриэль. – Прежде чем мы приступим к тренировкам, я хотел вас еще кое с кем познакомить. – Он повернулся к двери и крикнул: – Мистер Таннер, мисс Дэйли!

На лестнице послышались шаги, и в зал вошли двое в одежде слуг. Невероятно костлявой, нескладной девушке на вид было лет двадцать. Ярко-рыжие волосы она стянула в тугую узел и спрятала под скромную шляпку; руки ее были красными и огрубевшими от работы. Рядом с ней стоял молодой человек с темными выющимися волосами, высокий и мускулистый. Едва он вошел, Софи судорожно вздохнула и побледнела.

– Томас... – вырвалось у нее.

– Я брат Томаса, мисс. Сирил. Сирил Таннер, – тихо произнес молодой человек. Видно было, что ему слегка не по себе.

– Это обещанная Консулом замена, – объявил Габриэль. – Сирил Таннер и Бриджет Дейли. Консул попросил нас встретить их на вокзале Кингз-Кросс, и нам пришлось подчиниться. Сирил заменит Томаса, а Бриджет будет работать на кухне вместо Агаты. Оба они прошли обучение в достойных семьях Сумеречных охотников и имеют при себе отличные рекомендации.

На щеках Софи проступили красные пятна, но прежде чем она успела что-либо сказать, слово взял Джем.

– Никто не заменит нам Томаса и Агату. Они были не

просто слугами, они были нашими друзьями. Без обид. – Он сдержанно кивнул Сирилу и Бриджет.

Девушка в ответ только моргнула, а Сирил сказал:

– Какие могут быть обиды? – Даже голос его был до странности похож на голос Томаса. – Брата мне тоже никто не заменит.

В комнате воцарилось неловкое молчание. Гидеон стоял, привалившись к стене и скрестив руки на груди. Его можно было бы считать привлекательным, подумала Тесс, но угрюмое выражение лица все портило.

– Ну что ж, – наконец нарушил молчание Габриэль. – Шарлотта просила привести слуг сюда, чтобы вы могли с ними познакомиться. Джем, пожалуйста, проводи их обратно в гостиную, Шарлотта ждет.

– То есть никто из них не нуждается в дополнительных тренировках? – спросил Джем. – Раз уж вы будете заниматься с Тесс и Софи, Сирил и Бриджет могли бы...

– Как сказал Консул, они прошли обучение на прошлых местах работы, – возразил Гидеон. – Хочешь лично в этом убедиться?

– Не думаю, что есть такая необходимость, – ответил Джем.

– Да ладно тебе, Карстерс, – ухмыльнулся Габриэль. – Пусть девочки посмотрят, что при *должном* обучении простецы сражаются ничуть не хуже Сумеречных охотников. Сирил?

Лайтвуд подошел к стене и снял два боевых меча. Один он бросил Таннеру; тот поймал меч за рукоять и направился к кругу, очерченному в центре комнаты.

– Мы и так знаем, – едва слышно проговорила Софи. – Томас и Агата были отличными бойцами.

– Габриэль просто пытается тебя задеть. Не обращай внимания, – прошептала Тесс.

Стиснув зубы, Софи следила за тем, как Габриэль и Сирил сходятся посреди тренировочного зала. А Тесс невольно залюбовалась причудливым танцем клинков, которые со свистом рассекали воздух и наполняли комнату металлическим звоном. Стремительные движения бойцов слились в серебристо-черный вихрь. Габриэль далеко превосходил своего противника, это было видно невооруженным глазом. Он двигался быстрее и изящнее; Сирил выкладывался в полную силу, и ко лбу его уже прилипли промокшие от пота пряди волос, а Лайтвуд выглядел так, будто вышел на прогулку. Когда он в конце концов играючи обезоружил противника и отбросил его меч далеко в сторону, Тесс почувствовала неподдельную обиду за Сирила. Ни один человек не может превзойти Сумеречного охотника. Так какой же смысл был в этой схватке?

Меч Габриэля замер в паре сантиметров от горла Сирила. Таннер поднял руки, и на лице его заиграла улыбка, так похожа на добродушную ухмылку Томаса: «Сдаюсь...»

В следующую секунду Габриэль вскрикнул и рухнул на

пол, а меч его с лязгом покатился по деревянным доскам. Бриджет склонилась над упавшим Лайтвудом, прижав его коленом к полу; губы девушки были растянуты в хищном оскале. Пока все увлеченно наблюдали за схваткой, она подкралась к нему, никем не замеченная, и застигла врасплох. Бриджет извлекла из корсажа узкий кинжал и прижала его к горлу Габриэля. Лайтвуд какое-то время смотрел на нее, ошарашено моргая светло-зелеными глазами, а потом рассмеялся.

И Тесс впервые поймала себя на том, что чувствует к нему нечто отличное от неприязни и настороженности.

– Впечатляет, – по залу прокатился знакомый голос. Тесс резко обернулась. Уилл Эрондейл стоял в дверях и выглядел так, будто – выражаясь словами тети Гарриет – пролез через изгородь задом наперед. Его рубашка была порвана, волосы всклокочены, а круги под глазами намекали на то, что он опять не спал. Уилл наклонился, поднял упавший меч Габриэля и смерил Бриджет удивленным взглядом. – Надеюсь, готовит она не хуже.

Девушка неловко встала на ноги; ее щеки заливала краска. Она смотрела на Уилла так же, как смотрели при первой встрече все девушки – открыв рот и не веря своим глазам. Тесс хотела сказать, что в менее потрепанном состоянии Уилл и вовсе поражает воображение, но его красота – красота холодной стали, и увлекаться им крайне неразумно. Впрочем, был ли смысл в подобном предупреждении? Ско-

ро Бриджет сама все узнает.

– Я хорошая кухарка, – сказала она с упругим ирландским акцентом. – Мои прошлые наниматели не жаловались.

– Господи, да ты ирландка! – в притворном ужасе воскликнул Уилл. – А ты умеешь готовить что-нибудь, кроме картошки? В детстве у меня была кухарка из Ирландии. Мы ели картофельный пирог с картофельным кремом и картошку с соусом из картошки...

Бриджет окончательно растерялась, а Джем пересек комнату и взял Уилла за локоть.

– Шарлотта ждет Бриджет и Сирила в гостиной. Давай их проводим, – с легким нажимом сказал он.

Уилл заколебался. Он нашел глазами Тесс, и та с трудом сглотнула. У нее было такое чувство, будто он хочет что-то ей сказать. Габриэль, от которого не укрылся их обмен взглядами, презрительно фыркнул. Глаза Уилла потемнели, и он направился к выходу. Джем все еще держал его за локоть, когда они спускались по ступенькам. Бриджет и Сирил поспешили за ними.

Когда Тесс повернулась к центру зала, Габриэль как раз передавал один из мечей своему брату.

– Ну что, леди, приступим к тренировке? – спросил он.

Гидеон взялся за рукоять меча.

– Esta es la idea más estúpida que nuestro padre ha tenido. Nunca⁸.

⁸ «Это самая глупая идея из всех, что когда-либо приходили в голову нашему

Софи и Тесс переглянулись. Тесс не говорила по-испански, но о значении слова «estúpida» могла догадаться. День обещал быть долгим.

Следующие несколько часов они учились держать равновесие и блокировать удары. Габриэль занимался с Тесс, Гидеон взялся за Софи. Тесс не могла избавиться от ощущения, что Габриэль поступил так назло Уиллу, хотя как учителя ей было не в чем его упрекнуть. Он оказался в меру терпеливым и раз за разом поднимал упавший клинок, пока Тесс не научилась его правильно держать. Он даже хвалил девушку, когда у нее что-то получалось. Целиком сосредоточившись на упражнениях, педагогические таланты Гидеона она оценить не могла и только слышала, как он время от времени бормочет что-то на испанском.

После тренировки Тесс отправилась в свою комнату, чтобы умыться и переодеться, а потом поспешила в столовую, подгоняемая неподобающим леди волчьим аппетитом. Вопреки опасениям Уилла, готовила Бриджет отменно: к ужину подали ростбиф с овощами и пирог с вареньем и заварным кремом. Джессамина по-прежнему отсиживалась в комнате с головной болью, а Шарлотта отправилась в Город Костей, чтобы лично покопаться в архивах Отдела Возмещений.

Странно было наблюдать за Сирилом и Софи, которые

сновали с тарелками из кухни в столовую и обратно. Сирил носил тяжелые блюда, совсем как прежде Томас, а Софи молча ему помогала. Тесс даже представить не могла, что сейчас чувствует Софи: ведь Томас и Агата были ее самыми близкими друзьями в Институте. Но всякий раз, когда она пыталась встретиться с девушкой глазами, та упорно отводила взгляд.

Тесс помнила, как Софи судорожно мяла чепец в руках, спрашивая ее о состоянии Джема, когда тот заболел. После она не раз пыталась заговорить об этом с горничной, но так и не смогла. Любовь между простецами и Сумеречными охотниками была строго запрещена. Мать Уилла была из простецов, и его отца заставили покинуть Конклав. Должно быть, он очень сильно любил ее, раз отважился на такой шаг. Но Тесс видела, что по отношению к Софи Джем подобных чувств не испытывает. К тому же не стоило забывать о его болезни...

– Тесс, все в порядке? – тихо спросил Джем. – Ты словно не с нами.

– Просто устала, – улыбнулась Тесс. – Я не привыкла к тренировкам.

Это была чистая правда: руки ныли от тренировочного меча, и хотя они с Софи всего лишь учились держать равновесие и блокировать удары, ноги болели тоже.

– Безмолвные Братья делают мазь от мышечной боли. Зайди ко мне перед сном, я с тобой поделюсь.

Тесс чуть покраснела, а потом удивилась собственному смущению. Сумеречные охотники не утруждали себя условностями; она уже бывала в комнате Джема, они не раз оставались наедине, и к ней в спальню он тоже заходил. Сейчас он лишь предложил ей лекарство, и все же она почувствовала, как на щеках вспыхнул румянец. Впрочем, Джем тоже почему-то смутился. На его бледной коже краска проступила еще отчетливее. Тесс быстро отвернулась и заметила, что Уилл пристально за ними наблюдает. Глаза его были темными и непроницаемыми. И только Генри задумчиво гонял по тарелке горошины, не замечая, что творится вокруг.

– Спасибо, я... – начала было Тесс, но договорить не успела – в столовую ворвалась Шарлотта.

Выбившиеся из-под шпилек пряди темных волос реяли над ее головой боевыми знаменами; в руке Шарлотта сжимала длинный свиток.

– Нашла! – победно воскликнула она, без сил падая на стул рядом с Генри. Обычно бледное лицо маленькой женщины покраснелось от быстрой ходьбы, а на лице играла торжествующая улыбка. Шарлотта повернулась к Дему: – Ты был прав насчет архива Возмещений. Я откопала это за пару часов.

– Дайте посмотреть, – сказал Уилл, откладывая вилку. Тесс не могла не заметить, что он едва притронулся к своей порции. Птица на его кольцо блеснула в колдовском свете, когда он потянулся к свитку.

Шарлотта добродушно отпихнула его руку.

– Ну уж нет, посмотрим все вместе. В конце концов, это была идея Джема.

Уилл нахмурился, но ничего не сказал. Шарлотта развернула свиток на столе, сдвинув в сторону чашки и тарелки; остальные сгруппировались вокруг главы Института и принялись изучать добытый в архивах документ. Бумага напоминала плотный пергамент, а темно-красные чернила совпадали по цвету с рунами на хламидах Безмолвных Братьев. Глядя на убористый почерк и многочисленные сокращения, Тесс быстро поняла, что расшифровать документ ей не под силу.

Джем заглянул в свиток через ее плечо. На лице его появилось задумчивое выражение. Тесс повернулась к Сумеречному охотнику; они стояли так близко, что серебристые волосы касались ее щеки.

– Что там написано? – шепотом спросила она.

– Это прошение о возмещении, – ответил Уилл, хотя спрашивали не его. – Подано в Институт Йорка в 1825 году от имени Акселя Холлингуорта Мортмейна с требованием возмещения за неоправданную смерть его родителей, Джона Тадеуша и Анны Эвелин Сейд.

– Джон Тадеуш Сейд, – медленно повторила Тесс. – Дж. Т.С., инициалы на часах Мортмейна! Но если он был их сыном, то почему у него другая фамилия?

– Сейды были чародеями, – сказал Джем, продолжая вчи-

тываться в текст. – Оба. Так что их родным ребенком он быть не мог. Скорее всего, они его усыновили и позволили сохранить фамилию простецов. Такое время от времени случается.

Сумеречный охотник бросил быстрый взгляд на Тесс и тут же вернулся к документу. Девушка подумала, что он, наверное, тоже вспомнил недавний разговор в музыкальной комнате о том, что чародеи не могут иметь детей.

– Мортмейн утверждал, что начал заниматься темными искусствами в каком-то из своих путешествий, – сказала Шарлотта. – Но если его родители были чародеями...

– Приемные родители, – счел нужным поправить Уилл. – В таком случае он, без сомнения, знал к кому в Нижнем мире обратиться, чтобы узнать о черной магии.

– Неоправданная смерть, – тихо произнесла Тесс. – Что это значит?

– Это значит, что, по мнению Мортмейна, Сумеречные охотники убили его родителей, хотя те и не нарушали Закон, – объяснила Шарлотта.

– А какой именно закон они могли нарушить?

Женщина нахмурилась и обратилась к свитку.

– Тут говорится о противоестественных и незаконных сделках с демонами – а под этим может подразумеваться все, что угодно. Кроме того, их обвиняли в создании оружия, способного уничтожить Сумеречных охотников. Приговор за такое преступление – смерть. Это случилось до того, как

было подписано Соглашение, а тогда Сумеречные охотники могли убивать жителей Нижнего мира просто по подозрению в чем-то подобном. Возможно, поэтому здесь ничего толком не объясняется. Мортмейн подал прошение в Институт Йорка, которым руководил Алоизий Старквезер. Деньги ему были не нужны: он хотел, чтобы виновных – то есть Сумеречных охотников – судили и наказали. Но в Лондоне его прошение отклонили на том основании, что вина Сейдов «не вызывала сомнений». В этом документе больше ничего нет. По сути, это краткая запись о событиях, а остальные бумаги, должно быть, хранятся в Йоркском Институте. – Шарлотта откинула со лба мокрые от пота волосы. – И все же теперь мы хотя бы знаем, почему Мортмейн ненавидит Сумеречных охотников. Ты была права, Тесс, это действительно личное.

– И теперь мы знаем, откуда начать, – добавил Генри, отрываясь от тарелки. – С Йоркского Института. Там ведь до сих пор всем заправляют Старквезеры? Тогда у них должны были остаться все документы...

– Алоизию Старквезеру сейчас восемьдесят девять, – сказала Шарлотта. – Он был еще молодым, когда убили Сейдов. И может помнить, как все произошло. Надо будет написать ему. Думаю, он очень удивится, – вздохнула она.

– Но почему? – рассеянно спросил Генри.

– Они с моим отцом когда-то были друзьями, но много лет назад рассорились и с тех пор не разговаривали. Причину размолвки отец обсуждать отказывался.

– Как там было?.. – Уилл встал и принялся декламировать, помогая себе пустой чашкой из-под чая:

И оскорбления выжгли в их душах любовь,
И они разошлись, чтобы не встретиться вновь...⁹

– Уилл, во имя Ангела, умолкни! – отмахнулась от него Шарлотта. – Сейчас не до тебя: мне нужно написать Алоизию Старквезеру письмо, полное раскаяния и униженных просьб!

Подобрав юбки, глава Института устремила прочь из столовой.

– Никто не ценит хорошие стихи! – пробурчал Уилл, оставляя чашку в покое. Когда он поднял голову, Тесс поняла, что все еще смотрит на него. Она, конечно, узнала, откуда эти строки. Уилл процитировал поэму Кольриджа, ее любимую «Кристабель». В ней было еще немало чудесных строк: о любви, о смерти и безумии, но Тесс не могла припомнить ни одной – сейчас, когда на нее смотрели синие глаза Уилла, это было невозможно.

– Ох, Шарлотта же ничего не съела! – всполошился Генри, поднимаясь с места. – Пойду, попрошу Бриджет приготовить для нее цыпленка. А вы... – Он обвел взглядом сидевших за столом, словно собирался отправить их обратно в библиотеку – или по комнатам, спать. Но секунду спустя решимость

⁹ Сэмюэл Тейлор Кольридж, «Кристабель». Пер. Г. Иванова.

на его лице сменилась растерянностью.

— Черт возьми, я забыл, что хотел сказать! — объявил он и скрылся на кухне.

Как только Генри ушел, Джем с Уиллом принялись оживленно обсуждать прошения о возмещении, жителей Нижнего мира, Соглашение и Закон. Тесс попыталась их слушать, но быстро потеряла нить рассуждений и тихо ускользнула в библиотеку.

Несмотря на огромные размеры и явную нехватку книг на английском, библиотека оставалась ее любимым местом в Институте. Тесс сама толком не знала, в чем причина. Быть может, в характерном книжном запахе — аромате бумаги, чернил и кожи. А может, в том, что даже пыль тут вела себя необычно: вспыхивая золотыми искорками в свете колдовских огней, она, подобно цветочной пылице, медленно оседала на гладкие столы. Кот Черч спал на стремянке, прикрыв голову хвостом. Тесс обошла его по широкой дуге: спасенный от Темных Сестер кот обожал только Джема, а на остальных частенько нападал без предупреждения.

Нужную книгу Тесс нашла на нижней полке правого стеллажа. Опустившись на колени, она принялась листать страницы в поисках сцены, в которой отец Кристабель узнает в стоящей перед ним девушке дочь своего когда-то лучшего друга, а ныне злейшего врага.

Увы! Они в юности были друзья,
Но людской язык ядовит, как змея,
Лишь в небе верность суждена;
И юность напрасна, и жизнь мрачна,
И нами любимый бывает презрен,
И много на свете темных тайн.

<...>

Словами презрения обменялись зло,
И оскорбления выжгли в их душах любовь,
И они разошлись, чтобы не встретиться вновь¹⁰.

– Проверяешь, не ошибся ли я в цитате? – раздался у нее над головой тихий голос. Только один человек так растягивал слова.

Томик Кольриджа выскользнул из рук Тесс и упала на пол. Девушка выпрямилась и замерла, глядя на Уилла, а тот поднял и с подчеркнутой учтивостью протянул ей книгу.

– Уверяю тебя, я помню его наизусть, – сказал Уилл.

«Как и я», – подумала Тесс. Они впервые остались наедине после той ужасной сцены на крыше, когда Уилл недвусмысленно дал понять, что она значит для него не больше, чем уличная девка, да к тому же еще и бесплодная. Ни один из них ни разу не упомянул о случившемся; на людях они вели себя так, будто все в порядке, но при этом старательно избегали друг друга. Если рядом был кто-то еще, у Тесс получалось отодвинуть горькие воспоминания. Но сейчас, ко-

¹⁰ Пер. Г. Иванова.

гда Уилл стоял перед ней, как всегда неотразимый, с небрежно распахнутым воротником рубашки, из-под которого выглядывали выющиеся по ключицам и ползущие вверх по горлу черные татуировки, и отблески колдовского огня играли на его лице, Тесс вновь почувствовала, как внутри вскипают стыд и гнев.

Уилл опустил глаза на томик в зеленом переплете, который все еще держал в руках, и поинтересовался:

– Ты возьмешь или я так и буду стоять в этой странной позе?

Тесс молча забрала у него книгу.

– Если тебе нужна библиотека, то я уйду, – сказала она, поворачиваясь к выходу. – Уже поздно, и я...

– Тесс. – Уилл поднял руку, желая остановить ее.

Тесс посмотрела на него. Больше всего на свете ей хотелось сейчас попросить, чтобы он снова звал ее «мисс Грей». Звук собственного имени на его губах словно развязывал тугой узел в ее груди, и девушке становилось трудно дышать. Тесс останавливало лишь осознание того, как странно прозвучит подобная просьба. Она понимала, что в этом случае ее маска подчеркнутого равнодушия разлетится на тысячи осколков.

– Да? – просто спросила она.

Лицо Уилла на мгновение приняло такое выражение, будто что-то терзало его изнутри. Но с чего бы ему терзаться? Тесс подумала, что он, должно быть, опять разыгрывает ее.

– Ничего. Я... – Уилл покачал головой; прядь темных волос упала на лоб, и он нетерпеливо смахнул ее. – Ничего, – повторил он. – Когда я в первый раз привел тебя в библиотеку, ты сказала, что твоя любимая книга – «Этот большой, большой мир»¹¹. Я думал, тебе будет интересно узнать, что я прочитал ее.

Уилл стоял, опустив голову, и смотрел на Тесс сквозь пушистые темные ресницы. Девушка невольно задалась вопросом, сколько раз он подобным образом добивался желаемого. Она постаралась, чтобы ее голос звучал как можно более вежливо и отстраненно:

– И как, тебе понравилось?

– Отнюдь. Я нашел этот роман глупым и сентиментальным.

– Что ж, о вкусах не спорят, – со всей возможной любезностью произнесла Тесс, прекрасно понимая, что Уилл ее дразнит – Что хорошо для одного, для другого смерть, не так ли?

Ей показалось, или он действительно выглядел раздосадованным?

– Не хочешь порекомендовать еще что-нибудь из американской литературы? – спросил Уилл как ни в чем не бывало.

– Стоит ли? – подняла бровь Тесс. – Ты ясно выразил свое мнение о моих вкусах. Думаю, тебе придется признать, что наши предпочтения разнятся во всем, не только в книгах.

¹¹ Сентиментальный роман Сюзен Варнер, вышедший в 1850 году под псевдонимом «Элизабет Веферелл». Считается первым американским бестселлером.

Так что за рекомендациями обратитесь к кому-нибудь другому, мистер Эрондейл! – девушка прикусила язык, уже жалея о сказанном. Она поняла, что перегнула палку.

И верно, Уилл вцепился в ее последние слова, как паук в жирную муху.

– Мистер Эрондейл? Тесс, я думал...

– Что ты думал? – ледяным тоном поинтересовалась она.

– Что мы можем говорить хотя бы о книгах.

– Мы уже поговорили. И ты не стеснялся в выражениях. Хотя тебе стоило бы знать, что «Этот большой, большой мир» мне просто нравится, как и «Невидимая рука». Но я бы не стала называть их своими любимыми книгами. А может, для разнообразия *ты* мне что-нибудь посоветуешь? Тогда я смогу составить мнение о *твоих* вкусах. Иначе получается нечестно.

Уилл сел на ближайший стол и принялся болтать ногами, явно обдумывая ее предложение.

– «Замок Отранто»¹², – сказал он наконец.

– Это там сына главного героя убивает упавший с неба огромный рыцарский шлем? И ты еще «Повесть о двух городах» называл глупой! – хмыкнула Тесс, которая ни за что на свете не призналась бы, что «Замок Отранто» ей очень нравился.

– «Повесть о двух городах», – эхом отозвался Уилл. – Зна-

¹² Роман английского писателя Хораса Уолпола, опубликованный в 1764 г., первое произведение в жанре готического романа.

ешь, после нашего разговора я ее перечитал. Ты была права. Она совсем не глупая.

– Да?

– Да. Она буквально пропитана отчаянием.

Тесс посмотрела ему в глаза; в тот миг они напоминали голубые озера, в которых так легко было утонуть.

– Отчаянием?

– У Сидни нет будущего, – ровным голосом ответил Уилл. – С любовью или без любви – неважно. Он понимает, что не сможет спастись без Люси, но подпустить ее к себе – значит погубить.

– Мы как будто читали разные книги, – покачала головой Тесс. – Он поступил благородно, пожертвовав...

– А что еще ему оставалось? – спросил Уилл. – Помнишь, что он говорит Люси? «Если бы это было возможно... что вы способны были бы ответить на чувство такого беспутного, погибшего, ни на что не годного, спившегося забулдыги, как я, – а вы ведь знаете, что я такой и есть, – то каким бы счастливецом он ни почувствовал себя, он в тот же час, в тот же миг сказал бы себе, что он не может принести вам ничего, кроме горя и нужды, что он обречет вас на страдания, заставит вас горько каяться, погубит вас, опозорит, потащит за собой на дно...»¹³

Громкий треск оборвал его на полуслове: прогоревшее в камине полено упало, взметнув сноп искр и напугав Тесс.

¹³ Перевод С. П. Боброва, М. П. Богословской.

Она торопливо отвернулась, в душе казня себя за глупость. Уилл обошелся с ней так ужасно, а она тает, стоит ему процитировать Диккенса!

– Что ж, у тебя, без сомнения, отличная память. Ты запомнил его слова практически дословно.

Уилл оттянул ворот рубашки, обнажая изящный рисунок на ключице. Тесс потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он показывает ей татуировку над сердцем.

– Мнемосина, руна памяти, – пояснил он. – Если я что-то запоминаю, то навсегда.

Тесс отвела взгляд.

– Уже поздно. Я устала. – Она прошла мимо него к двери, на секунду задумавшись, не обидел ли Уилла ее внезапный уход. Но даже если и так, что с того? В конце концов, это же Уилл – переменчивый, непостоянный, обольстительный в хорошем настроении, и опасный в любом. Для нее. Для всех.

– «Ватек», – произнес он, спрыгивая со стола.

Тесс замерла на пороге, вдруг осознав, что все еще сжимает в руке томик Кольриджа. Впрочем, почему бы и нет? Надо же иногда отвлекаться от Кодекса.

– О чем ты? – спросила она, пристально изучая дверной косяк.

– «Ватек» Уильям Бекфорда. Если тебе понравился «Отранто», то и «Ватек» придется по душе, – сказал он, хотя Тесс точно помнила, что так и не призналась в симпатиях к Уолполу.

– Хорошо, спасибо, – кивнула она. – Приму к сведению.

Уилл не ответил; он по-прежнему стоял возле стола и смотрел в пол, пряча глаза за прядями темных волос. Сердце Тесс смягчилось, и она не смогла сдержаться:

– Спокойной ночи, Уилл.

Он вскинул голову.

– Спокойной ночи, Тесс.

В его глазах мелькнула прежняя мука, но выражение лица было уже не таким безрадостным, как раньше. Он потянулся, чтобы погладить Черча, который благополучно проспал их разговор и все еще валялся на стремянке, раскинув лапы.

– Не надо... – начала было Тесс, но опоздала. Черч уже выпустил когти, стремясь покарать того, кто осмелился потревожить его покой. Уилл чертыхнулся и затряс рукой. Тесс выскользнула из библиотеки, тихо хихикая на ходу.

4. Путешествие

Дружба – это два тела с одной душой.
Мэн-Цзы

Шарлотта яростно припечатала письмо к столу.

– Алоизий Страквезер – упертый, лицемерный, слабоумный... – Она замолчала, изо всех сил пытаясь побороть свой гнев. Тесс никогда прежде не видела, чтобы губы маленькой женщины сжимались в настолько жесткую линию.

– Принести вам словарь? – услужливо предложил Уилл. Он сидел, развалившись, в одном из кресел возле камина, закинув ноги на низкую скамейку. Грязь с его башмаков медленно стекала на ковер, и в обычной ситуации Шарлотта непременно устроила бы ему выволочку, но сейчас все ее мысли были заняты письмом Алоизия, из-за которого она и собрала всех в гостиной. – Кажется, у вас закончились слова.

– А он и в самом деле слабоумный? – непринужденно поинтересовался Джем из глубин другого кресла. – Ему ведь уже под девяносто, так что он вполне мог впасть в маразм...

– Ну не знаю, – протянул Уилл. – Видел бы ты, что вытворяют некоторые старики в «Таверне Дьявола». Ты бы удивился...

– Если это твои знакомые, то вряд ли мы удивимся, – подала голос Джессамина, лежавшая на кушетке с компрессом

на лице. Она все еще мучилась от головной боли.

– Дорогая, с тобой все в порядке? – не на шутку встревоженный Генри обошел стол, за которым сидела Шарлотта. – Ты пятнами пошла...

Он говорил правду: от злости у Шарлотты на лице и на щеке проступили красные пятна.

– А мне нравится! – не замедлил высказаться Уилл. – Я слышал, что горошек сейчас в моде!

Генри похлопал супругу по плечу.

– Может, тебе тоже принести компресс? Что мне сделать, чтобы тебе помочь?

– Поезжай в Йоркшир и снеси голову этому старому козлу! – гневно сверкнула глазами Шарлотта.

– Боюсь, это несколько осложнит наши отношения с конклавом, – совершенно серьезно ответил Генри. – Ты же знаешь, как они реагируют на беспричинное обезглавливание.

– Ох! – в отчаянии откинулась на спинку кресла Шарлотта. – Я сама во всем виновата! Не знаю, с чего я взяла, что мне удастся его переубедить. Это какой-то ходячий ужас, а не человек...

– Что именно он пишет? – спросил Уилл.

– Наотрез отказывается встречаться со мной или с Генри, – мрачно произнесла Шарлотта. – Пишет, что никогда не простит мою семью за то, что сделал отец. Отец... – Женщина вздохнула. – Был сложным человеком. До мозга костей преданным букве Закона. А Старквезеры... ну, скажем так,

допускали вольные трактовки. Отец считал их дикарями и не стеснялся говорить об этом вслух. Но как он ухитрился так досадить им, чтобы старик носился со своей обидой до сих пор, я понятия не имею. Ко всему прочему этот твердолюбий идиот пишет, что если бы его мнение для меня что-то значило, я бы пригласила его на последнее заседание Совета. Как будто это я решаю, кого приглашать!

– А почему его не пригласили? – спросил Джем.

– Он слишком стар. Ему давно пора уйти на покой, но он вцепился в свое место мертвой хваткой, и Консул Вейланд пока ничего не может поделать. Так или иначе, на Советы он его больше не зовет. Видно, надеется, что Алоизий сам все поймет – или наконец умрет от старости. Но его отец дожил до ста четырех лет! У нас нет столько времени в запасе! – Шарлотта сокрушенно покачала головой.

– Если он не хочет видеть вас, почему бы не послать кого-нибудь другого? – скучающим голосом предложила Джессамина. – Вы же глава Института, члены Конклава должны вам подчиняться.

– Многие из них на стороне Бенедикта, – напомнила Шарлотта. – Они ждут, что я провалюсь. Я не знаю, кому теперь могу доверять.

– Нам можете, – заверил ее Уилл. – Давай мы с Джемом поедем!

– А как насчет меня? – обиженно воскликнула Джессамина.

– Ты что, тоже хочешь поехать?

Джессамина приподняла уголок компресса и посмотрела на собравшихся.

– На вонючем поезде в унылый Йоркшир? – фыркнула она. – Нет, конечно. Я просто хотела услышать, что мне Шарлотта тоже доверяет.

– Я доверяю тебе, Джесси, – устало отозвалась Шарлотта. – Но ты плохо себя чувствуешь. И это крайне прискорбно, поскольку Алоизий всегда испытывал слабость к хорошеньким личикам.

– Тогда я точно должен ехать! – воскликнул Уилл.

– Уилл, Джем... – Шарлотта закусила губу. – Вы уверены? В случае с Темными Сестрами Совет не слишком обрадовался вашей самостоятельности.

– А стоило бы! Мы ведь уничтожили могущественного демона, – возразил Уилл.

– И спасли Черча, – добавил Джем.

– А вот это совершенно напрасно, он вчера вечером меня поцарапал, – недовольно сообщил Эрондейл.

– Напротив, это в очередной раз доказывает, что вы не зря его спасли, – заметила Тесс.

Уилл скорчил рожу, но девушка видела, что он не злится. Точно такие же рожи он корчил, когда его беззлобно подначивал Джем. Может, они действительно смогут нормально общаться. В конце концов, вчера в библиотеке он разговаривал с ней вполне дружелюбно.

– Мне кажется, это пустая затея, – пробормотала Шарлотта. Красные пятна на ее щеках начали бледнеть, но выражение лица оставалось глубоко несчастным. – Вряд ли он что-нибудь вам скажет. Он же будет знать, кто вас послал. Только если...

– Я знаю, как добыть нужные сведения! – вдруг воскликнула Тесс.

– О чем ты? – озадаченно посмотрела на нее глава Института, но через секунду лицо Шарлотты прояснилось. – Отличная идея, Тесс!

– Какая идея? – раздраженно спросила Джессамина. – Я ничего не понимаю!

– Если мы добудем что-нибудь из личных вещей Алоизия, я смогу превратиться в него и заглянуть в его воспоминания о Мортмейне и деле Сейдов. Если, конечно, он что-нибудь помнит.

– Значит, ты едешь с нами в Йоркшир, – подытожил Джем. Взгляды присутствующих обратились к Тесс. Ошеломленная столь стремительным развитием событий, девушка не сразу нашлась что сказать. Зато Уилл, как обычно, за словом в карман не полез.

– Зачем ей ехать с нами? – спросил он. – Мы сами можем взять что-нибудь у Старквезера и привезти в Институт.

– Но Тесс нужна не какая-нибудь безделушка, а вещь, несущая на себе отпечаток личности, – напомнил Джем. – Если мы привезем что-то бесполезное...

– Тесс говорила, что ногти и волосы тоже сгодятся.

– То есть ты предлагаешь приехать в Йорк и выдрать у девяностолетнего старика клочок волос? Конклав будет вне себя от восторга.

– Да нет, просто все окончательно убедятся, что вы не в своем уме, – пожала плечами Джессамина. – Хотя они и так в этом не сомневаются.

– Последнее слово за Тесс, – напомнила Шарлотта. – Это ведь ее способности мы хотим использовать.

– Мы же поедем на поезде? – Тесс повернулась к Джему. Сумеречный охотник кивнул; в его серебристых глазах заплясали озорные огоньки.

– Поезда на север отходят с вокзала Кингз-Кросс несколько раз в день. До Йоркшира ехать всего несколько часов.

– Тогда я с вами, – решила Тесс. – Никогда еще не путешествовала на поезде.

– И все? Ты только поэтому едешь? – вскинул руки Уилл.

– Да, – спокойно ответила Тесс, зная, как его раздражает ее невозмутимость. – Я очень хочу покататься на поезде.

– Там грязно и душно, тебе не понравится, – пробурчал Уилл.

– Я не узнаю, пока не попробую, – не сдавалась Тесс.

– Я никогда не купался голышом в Темзе, но пробовать не собираюсь.

– Бедные туристы, они лишились такого зрелища! – притворно огорчилась Тесс, и Джем опустил голову, пряча улыбку.

ку. – Но я все равно поеду. Когда мы отправляемся?

Уилл закатил глаза, но Джем не обратил внимания на его ужимки.

– Завтра утром, – сказал он. – Так мы прибудем в Йорк до темноты.

– Я сейчас же напишу Алоизию о вашем приезде, – Шарлотта взялась за перо, но к чернилам так и не притронулась. – Мы ведь все делаем правильно? Просто... Я не уверена...

Тесс встревоженно посмотрела на главу Института. На ее памяти Шарлотта впервые усомнилась в собственном чутье, и в этот миг Тесс всем своим существом возненавидела Бенедикта Лайтвуда и его приспешников.

Ситуацию спас Генри. Он положил руку жене на плечо и мягко произнес:

– В противном случае нам останется только опустить руки и сдаться. Да и сама посуди: что может пойти не так?

– Ох, Ангела ради, зачем ты это сказал! – воскликнула Шарлотта и, наконец обмакнув перо в чернильницу, принялась писать.

Во второй половине дня Тесс и Софи предстояла очередная тренировка с Лайтвудами. Переодевшись в форму, Тесс вышла из своей комнаты и обнаружила, что горничная ждет ее в коридоре.

– Что-то случилось? – спросила она, заметив, как хмурится Софи.

– Ну, если хотите знать... Все дело в Бриджет. – Софи угрюмо замолчала.

– Бриджет? – удивленно переспросила Тесс.

Девушка из Ирландии с самого первого дня пропадала на кухне, в отличие от Сирила, который бегал с поручениями по всему Институту, помогая Софи. Новую кухарку Тесс видела в последний раз, когда та сидела верхом на Габриэле Лайтвуде, приставив кинжал к его горлу. Что ни говори, приятное воспоминание.

– А что с ней не так?

– Ну... – тяжело вздохнула Софи. – Она не слишком приветлива. С Агатой мы дружили, а Бриджет... Вы же понимаете, слуги иногда болтают между собой о том, о сем. С Сирилом еще можно поговорить, но Бриджет только гремит кастрюлями и поет жуткие ирландские баллады. Наверняка она и сейчас распевает.

Они как раз проходили мимо комнаты для мытья посуды; Софи махнула Тесс, чтобы та следовала за ней. Девушки подкрались к двери и осторожно заглянули внутрь. Комната оказалась довольно большой; оттуда можно было попасть на кухню и в кладовую. На столе возле стены громоздились продукты к ужину – рыба и овощи, которые еще предстояло почистить и приготовить. Бриджет стояла возле раковины; от горячей воды рыжие волосы закудрявились, лицо покраснелось. Софи была права – девушка пела. За шумом воды слышался высокий нежный голос:

Матушка локоны ей расчесала,
Отец за порог свою дочь проводил,
Сестрица Анна ее целовала,
А братец Джон в седло посадил.
«Сидишь ты высоко, а я на земле.
Нагнись же в последний раз ко мне».
Невеста с улыбкой к нему наклонилась
И тут же за счастье свое расплатилась.
Брат деву крепко к себе прижал
И в сердце вонзил ей острый кинжал¹⁴.

Перед глазами Тесс тут же возникло лицо Ната; девушка вздрогнула, но Софи ничего не заметила.

– И вот так все время! – прошептала она. – Убийства, предательства, кровь и боль. Сколько можно?!

К счастью, слова Софи заглушили окончание песни. Бриджет начала вытирать посуду и завела новую балладу, еще более печальную:

Чьей кровью меч ты свой так обагрил,
Эдвард, Эдвард?
Чьей кровью меч ты свой так обагрил?
Зачем ты глядишь так сурово?¹⁵

– Хватит с меня. – Софи развернулась и поспешила даль-

¹⁴ Шотландская баллада «Жестокий брат».

¹⁵ Народная шотландская баллада «Эдвард». Перевод А. К. Толстого.

ше по коридору. Тесс едва за ней поспевала. — Теперь вы понимаете, о чем я? У меня мурашки от этой девицы, а придется жить с ней в одной комнате. Из нее ни слова не вытянешь ни днем, ни ночью, только воет и воет...

— Вы живете в одной комнате? — удивилась Тесс. — Но почему, ведь в Академии столько свободных!

— Они предназначены для Сумеречных охотников, а не для слуг. — Голос Софи звучал так, будто ей приходилось объяснять Тесс прописные истины. Должно быть, у горничной даже мысли не возникало потребовать себе отдельную комнату.

— Давай я поговорю с Шарлоттой, — начала было Тесс, но Софи замахала руками.

— Не надо, пожалуйста! — Они остановились перед дверью тренировочного зала, и Софи повернулась к ней, явно досадуя на себя за длинный язык. — Я не хочу, чтобы она думала, будто я жалуясь на других слуг.

Тесс собралась заверить ее, что ничего не скажет Шарлотте, когда из тренировочного зала послышались громкие голоса. Тесс поднесла палец к губам и осторожно прижалась ухом к двери. Софи последовала ее примеру. Низкий, грубоватый голос определенно принадлежал Гидеону, другой — его брату.

— Габриэль, рано или поздно придет время платить по счетам. И нужно решить, на чьей мы стороне.

— На стороне отца, разумеется, — напряженно ответил

младший Лайтвуд. Последовало непродолжительное молчание. Потом снова заговорил Гидеон:

– Ты знаешь о нем далеко не все и понятия не имеешь, что он натворил.

– Я знаю, что мы – Лайтвуды и он – наш отец, – отчеканил Габриэль. – После смерти Гренвиля Фэйрчайлда он имел все основания претендовать на пост главы Института.

– Ты не допускаешь, что у Консула были причины отказать ему и назначить Шарлотту Бренвилл? Она не так глупа, как ты думаешь.

– В самом деле? – Голос Габриэля сочился ехидством. – Она позволила нам прийти сюда и тренировать своих драгоценных девочек. Неужели она не догадывается, что мы будем шпионить для отца?

Софи и Тесс ошарашено переглянулись.

– Она пустила нас в Институт только потому, что Консул ее заставил. Обрати внимание: нас встречают в дверях, отводят сюда, а потом провожают к выходу. У мисс Коллинз и мисс Грей мы вряд ли выведаем что-нибудь интересное. Так чем же, по-твоему, мы можем навредить Шарлотте?

В зале снова воцарилось молчание. Тесс буквально слышала, как Габриэль раздувается от злости. Наконец его прорвало:

– Если ты так презираешь отца, то зачем вернулся?

– Я вернулся ради тебя, – сердито ответил Гидеон, но договорить не успел: Софи и Тесс слишком сильно навалились

на дверь, и та распахнулась. Девушки торопливо выпрямились; Тесс искренне надеялась, что их чрезмерное любопытство осталось незамеченным.

Габриэль и Гидеон стояли друг напротив друга в круге света посреди тренировочного зала. Тесс бросилось в глаза, что Габриэль значительно выше старшего брата. Зато Гидеон был крепче и шире в плечах. Он пригладил рукой светлые волосы и вежливо кивнул девушкам:

– Добрый день.

Габриэль направился к ним. Тесс вдруг поняла, что во время разговора с Лайтвудом ей приходится задирать голову. А ведь она была девушкой довольно высокой и редко смотрела на мужчин снизу вверх.

– Мисс Лавлейс снова отсутствует? – спросил Габриэль вместо приветствия. Он выглядел совершенно спокойным, и только биение жилки под вытатуированной на горле руной боевой отваги выдавало его недавнее волнение.

– Джессамина все еще плохо себя чувствует, – сказала Тесс, проходя в зал. – Не знаю, как скоро она поправится.

– Подозреваю, не раньше, чем закончатся тренировки, – сухо отозвался Гидеон, чем внезапно рассмешил Софи. Тесс недоуменно покосилась на горничную; та торопливо приняла свой обычный серьезный вид, но прежде Гидеон успел бросить на нее взгляд, исполненный удивления – и, как ни странно, благодарности. Видимо, над его шутками редко смеялись.

Габриэль вздохнул и вынул из креплений на стене два длинных шеста.

– Сегодня, – сказал он, протягивая один Тесс, – мы будем учиться блокировать и отражать удары.

Тесс уже забыла, каково это – засыпать, едва коснувшись головой подушки. В последнее время ее одолевали кошмары, главным героем которых обычно выступал Мортмейн. По ночам Тесс преследовали его холодные серые глаза и голос, размеренно повторявший: «Нет никакой Терезы Грей».

Она столкнулась с ним лицом к лицу, но так и не поняла, что ему нужно. Зачем он хотел жениться на ней? Чтобы заполнить ее силу? Но для чего? При воспоминании о змеиных глазах Мортмейна Тесс пробирал озноб, а при мысли, что он имеет какое-то отношение к ее рождению, и вовсе становилось дурно. Вряд ли хоть кто-нибудь, даже добрый, чуткий Джем, понимал, почему Тесс так стремится выяснить, *что* она за существо. И вряд ли кто-то не догадывался, как сильно она боится узнать правду. Не раз и не два Тесс просыпалась посреди ночи, задыхаясь от ужаса и вцепившись ногтями в собственное лицо, словно во сне она тщетно пыталась содрать кожу и добраться до затаившегося под ней демона.

Она лежала в кровати, когда за дверью послышался шорох и легкий стук, как будто что-то оставили у порога. Выждав несколько секунд, Тесс выскользнула из-под одеяла и медленно прошла через комнату.

За дверью никого не было; коридор тоже был пуст, только из комнаты Джема доносились едва слышные звуки скрипки. На полу лежал небольшой зеленый томик. Тесс подняла его и прочитала золотые буквы на корешке: Уильям Бекфорд, «Батек».

Аккуратно прикрыв за собой дверь, девушка вернулась в кровать и принялась изучать книгу. Вне всяких сомнений, ее оставил Уилл. Но зачем?

К чему эти дружеские жесты под покровом ночи, эти задушевные разговоры в библиотеке – и подчеркнутая холодность в течение дня?

Открыв книгу на титульной странице, Тесс обнаружила, что Уилл оставил ей послание. И не просто какую-то записку, а целое стихотворение!

Тесс Грей, по случаю вручения ей романа «Батек»

*Халиф Батек с его темною свитой
Летят в Преисподнюю, скука забыта!
И веру в меня ты вновь обретешь,
Коль книгу сию немедля прочтешь,
А не на полку небрежно вернешь.*

Уилл

Тесс расхохоталась и торопливо зажала ладонью рот «Будь ты проклят, Уилл Эрондейл – подумала она. – За то, что заставляешь смеяться, даже если не хочется. За то, что сердце снова и снова тянется к тебе, хотя прекрасно знает,

что твой взгляд, твои слова, весь ты – сильнейший наркотик». Тесс бросила на прикроватный столик «Ватека», дополненного ужасным стихотворением мастера Эрондейла, и зарылась лицом в подушку. Из коридора все еще доносилась скрипка Джема, нежная и печальная. Тесс зажмурилась, пытаясь прогнать из головы мысли о Уилле. И неожиданно у нее получилось: она уснула и в кои-то веки спала без сновидений.

На следующий день с самого утра шел дождь; от зонтика толку было немного – Тесс чувствовала, как взятая у Джессамины красивая шляпка тяжелеет с каждой минутой, плотно облепляя голову и сползая на уши. Они вчетвером – Сирил нес багаж – бежали от кареты к вокзалу Кингз-Кросс. За серой пеленой дождя проступало величественное здание с высокой часовой башней. Флюгер на ее макушке смотрел точно на север; холодный ветер бросал капли воды в лицо Тесс, и девушке приходилось щуриться.

В здании вокзала царил первозданный хаос: люди метались туда-сюда, газетчики выкрикивали заголовки, торговцы с рекламными щитами на груди на все лады расхваливали мыла и средства для укрепления волос. Мальчуган в подпоясанной куртке сновал у прохожих под ногами, с хохотом удирая от матери, которая безуспешно пыталась схватить его за шиворот. На ходу перекинувшись с Джемом парой слов, Уилл растворился в толпе.

– Ушел и бросил нас? – спросила Тесс, борясь с зонтиком, который никак не желал складываться.

– Позволь мне. – Джем без труда справился с несговорчивым механизмом: зонтик щелкнул и сложился. Убрал с лица мокрые волосы, Тесс благодарно улыбнулась Джемму, и в ту же секунду вернулся Уилл – оказалось, он ходил за носильщиком. Носильщик, скорчив недовольную мину, забрал у Сирила багаж и прикрикнул на остальных, чтобы поторапливались – поезд ждать не будет.

Уилл посмотрел на трость Джема, потом на голову носильщика и сказал, недобро улыбнувшись:

– Нас подождет.

Его слова не пришлись носильщику по нраву, но холодный взгляд синих глаз удержал служителя вокзала от дальнейших замечаний. Он провел их на забитую людьми платформу; чтобы не потеряться в толпе, Тесс одной рукой вцепилась в Джема, другой придерживая многострадальную шляпу Джессамины. Далеко впереди, где заканчивалась крытая платформа, виднелся клочок серо-стального неба, испачканного клубами дыма.

Джем помог Тесс подняться в купе, потом вернулся за багажом; Уилл расплачивался с носильщиком, перекрикивая окружающих и свистки паровоза. Поезд тронулся, едва они закрыли за собой дверь; застучали колеса, и мимо окон поплыли облака белого пара.

– Ты взяла с собой что-нибудь почитать? – поинтересо-

вался Уилл, устраиваясь напротив Тесс. Джем сел рядом с ней, прислонив трость к стене.

Тесс подумала о «Ватеке» со стихотворением на титульном листе. Она оставила его у себя в комнате, чтобы удержаться от искушения, — как запирают в буфете коробку конфет, чтобы не растолстеть.

— Нет, — она покачала головой. — В последнее время мне ничего интересного не попадалось.

Уилл стиснул зубы, но ничего не сказал.

— Не правда ли, есть нечто удивительное в путешествиях! — Тесс восторженно прижалась носом к стеклу, хотя смотреть было решительно не на что. Поезд окутывали клубы дыма, окна заливал серый дождь, превращавший Лондон в неясную тень.

— Нет, — коротко ответил Уилл, откинувшись на спинку сиденья и надвинув шляпу на глаза.

Тесс продолжала смотреть в окно; вскоре ненастный Лондон остался позади, а вместе с ним и дождь. Теперь поезд катился между зеленых полей с крапинками белых овец; время от времени вдалеке мелькали шпили деревенских церквушек.

— Ты что, никогда раньше не выезжала за город? — полюбопытствовал Джем, заметив неподдельное восхищение на лице девушки.

— Нет, — покачала головой Тесс, отвлекаясь от пейзажей. — Только на Кони-Айленд, но это, в сущности, тот же город.

Может, мы проезжали мимо деревень по пути из Саутгемптона, но было уже темно, и Темные Сестры закрыли все шторы. – Тесс сняла шляпу, с которой капала вода, и положила ее на сиденье между собой и Джемом. – Но, знаешь, у меня такое чувство, будто я уже видела это раньше. В книгах. Мне все кажется, что вот-вот из-за деревьев выплывет Торнфилд-Холл¹⁶, а на горизонте появятся скалы Грозового перевала...

– Грозовой перевал находится в Йоркшире, – сказал из-под шляпы Уилл, – до которого еще ехать и ехать. Мы пока даже до Грэнтема не добрались. И должен заметить, что ничего интересного в Йоркшире нет Только холмы да долины, не то что в Уэльсе.

– Ты скучаешь по Уэльсу? – спросила Тесс. Она сама не понимала, зачем это делает. Спрашивать Уилла о прошлом было все равно, что тыкать палкой цепного пса.

Сумеречный охотник слегка пожал плечами.

– Было бы по чему скучать. По овцам и песням, что ли? – сказал он. – И по дурацкому языку. *Fe hoffwn I fod mor feddw, fyddai ddim yn cofio fy enw.*

– Что это значит?

– «Я так надрался, что забыл, как меня зовут». Очень полезная фраза.

– Да, звучит не слишком патриотично, – заметила Тесс.

– Что ты знаешь о патриотизме! – напыщенно воскликнул

¹⁶ Поместье графа Рочестера из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Уилл. – В память о родине я вытатуировал валлийского дракона у себя на...

– Наш Уильям, как всегда, само очарование, – перебил его Джем. Тесс уже довольно давно наблюдала за этой парочкой и уяснила, что употребление полного имени вместо привычного «Уилл» в устах Джема говорило о многом. – Не забывай, Старквезер не выносит Шарлотту, поэтому если ты собираешься...

– Не волнуйся, старикана я тоже очарую, – ответил Уилл, выпрямляясь и сдвигая шляпу обратно на макушку. – Я его так очарую, что он имени своего вспомнить не сможет!

– Ему восемьдесят девять. Возможно, он его и уже давно забыл, – пробормотал Джем.

– Так что на всякий случай не стоит растрачивать запасы своего очарования на нас, – сказала Тесс.

– Вот именно. – В голосе Уилла послышались нотки самодовольства. – К тому же Старквезер ненавидит не Шарлотту, а ее отца.

– Грехи отцов, – вздохнул Джем. – Он терпеть не может всех Фэйрчайлдов, а заодно и всех, кто с ними связан. Поэтому Шарлотта не позволила Генри поехать...

– Шарлотта не пустила Генри в Йорк, потому что каждый его выход из Института грозит национальной катастрофой. Но, отвечая на незаданный тобою вопрос, скажу, что осознаю, какую ответственность на нас возложили. И обещаю вести себя прилично. Я не больше твоего хочу, чтобы в

Институте обосновался косоглазый Бенедикт Лайтвуд с его ужасными отпрысками.

– Вовсе они не ужасные, – не удержалась от возражения Тесс.

– Что? – моргнул Уилл.

– Я хочу сказать, что Габриэль и Гидеон довольно привлекательны.

– Я говорил о крошечной тьме, царящей в их проклятых душах! – замогильным голосом произнес Уилл.

Тесс фыркнула и не без ехидства поинтересовалась:

– А какого же цвета твоя душа, Уилл Эрондейл?

– Лилового, – не задумываясь, ответил Уилл.

Тесс повернулась к Джиму за помощью, но тот лишь улыбнулся.

– Думаю, нам стоит обсудить наши действия, – сказал он. – Старквезер ненавидит Шарлотту, но знает, что мы едем по ее поручению. Так как же нам расположить его к себе?

– Тесс может использовать свои женские уловки, – ухмыльнулся Уилл. – Шарлотта ведь сказала, что старик падок на красивые личики.

– А как она объяснила мое присутствие? – спохватилась Тесс, запоздало сообразив, что спрашивать надо было раньше.

– Никак. Она просто сообщила в письме наши имена. Шарлотта была предельно краткой, – сказал Уилл. – Нам самим придется состряпать что-то правдоподобное.

– За Сумеречного охотника меня выдать не получится – нет татуировок, – начала размышлять Тесс.

– Чародейской метки тоже нет. Он решит, что Тесс из простцов. Конечно, она может превратиться в кого-нибудь...

Уилл смерил девушку пристальным взглядом. Хотя Тесс понимала, что ничего для него не значит, в такие мгновения она не могла избавиться от мыслей о пальцах, поглаживающих ее шею. И все же она заставила себя спокойно посмотреть ему в глаза.

– Давай скажем, что она – сумасшедшая тетушка, которая не разрешает нам путешествовать в одиночку! – внезапно выдал Уилл.

– Чья тетушка, моя или твоя? – поинтересовался Джем.

– Боюсь, ни на тебя, ни на меня она не похожа. Тогда пусть притворится, что она в меня до смерти влюблена и всюду за мной таскается.

– Я могу изменять внешность, но лицедейство в число моих талантов не входит, – напомнила Тесс, надеясь, что таким образом заткнет фонтанирующего идеями Уилла. Джем расхохотался, за что был награжден сердитым взглядом друга.

– Тут она тебя уела, – сказал Джем, отсмеявшись. – Подумать только, и такое иногда случается! Предлагаю представить Тесс как мою невесту. Старику Алоизию скажем, что ее Восхождение сейчас обсуждается.

– Восхождение? – нахмурилась Тесс. В Кодексе об этом ничего не говорилось.

– Если Сумеречный охотник хочет вступить в брак с кем-то из простецов...

– Но я думала, что это запрещено, – выпалила Тесс. Поезд нырнул в туннель, и купе погрузилось во тьму. Тесс ничего не видела, но чувствовала, что Уилл не сводит с нее глаз.

– Так и есть, – продолжал Джем. – Если только простец не превратится в Сумеречного охотника, испив из Смертной чаши. Такое случается, хотя и нечасто. Когда Сумеречный охотник просит Конклав о Восхождении для кого-то из простецов, Конклав берет три месяца на размышления. А простецы тем временем стараются как можно больше узнать о мире Сумеречных охотников.

Голос Джема потонул в свистке локомотива, вынырнувшего из туннеля. Тесс украдкой бросила взгляд на Уилла: тот смотрел в окно. Должно быть, в туннеле ей все померещилось.

– Мне нравится твоя идея, – сказала она Джему. – К тому же я действительно знаю немало. Я почти дочитала Кодекс.

– И никто не удивится, что я взял тебя в Йорк, – заметил Джем. – Как кандидатке на Восхождение тебе будет полезно узнать о других Институтах. А ты как считаешь? – Он повернулся к Уиллу.

– Отлично придумано, – ответил тот, не отрываясь от окна. Зеленые луга сменились пустошами; лишь кое-где попадались валки свежескошенной травы и нагромождения черных камней.

– А сколько еще есть Институтов, кроме того, что в Лондоне? – спросила Тесс.

– В Британии? – Джем принялся загибать пальцы. – В Лондоне, в Йорке, еще один в Корнуолле, рядом с замком Тинтагель, в Кардиффе и в Эдинбурге. Но все они подчиняются Лондонскому, а тот, в свою очередь, Идрису.

– Гидеон Лайтвуд сказал, что он был в Мадридском Институте. Что он там делал?

– Штаны просиживал, – буркнул Уилл.

– Когда нам исполняется восемнадцать, мы заканчиваем обучение и отправляемся путешествовать, – принялся объяснять Джем, пропустив его слова мимо ушей. – Сумеречные охотники в разных Институтах пользуются разными приемами, и узнать о них будет совсем нелишним. Гидеон уехал всего пару месяцев назад. Если Бенедикт так скоро отозвал сына в Лондон, значит, его назначение – всего лишь вопрос времени, – невесело закончил Джем.

– Но ведь это не так, – твердо сказала Тесс и, заметив, что тревога не ушла из его серых глаз, решила сменить тему. – А где находится Нью-Йоркский Институт?

– Ты думаешь, мы все адреса наизусть помним? – поинтересовался Уилл, и что-то в его голосе заставило Джема внимательно посмотреть на друга.

– Что-то не так?

Уилл стащил с головы шляпу и положил ее на сиденье, потом поднял глаза на спутников. Тесс заметила, что при всей

своей привлекательности Уилл в последнее время как-то потускнел. Его внутренний огонь, прежде ярко пылавший, начал затухать, словно Эрондейл, подобно Сизифу, катил в гору камень и уже порядком выбился из сил.

– Слишком много выпил вчера, – сказал он наконец, опуская глаза.

«Уилл, ну зачем? Мы же видим, что ты врешь». – Тесс была готова произнести это вслух, но остановилась, взглянув на Джема. Тот смотрел на Уилла, и вид у него был донельзя встревоженный. Он тоже не поверил ни единому его слову, но сказал лишь:

– Жаль, что никто не придумал руну трезвости.

– Да уж, – вздохнул Уилл и слегка расслабился. – Но если говорить о твоём плане, то ты забыл об одной маленькой детали. – Он наклонился вперед. – Если Тесс – твоя невеста, ей нужно кольцо.

– Я уже думал об этом, – ответил Джем к великому удивлению Тесс, которая полагала, что идея с невестой пришла ему в голову только в поезде. Джем тем временем достал из нагрудного кармана серебряное кольцо и протянул его девушке. Оно напоминало кольцо Уилла, только вместо птицы в полете было украшено зубцами замковой башни. – Это фамильная драгоценность Карстерсов. Если позволишь...

Тесс осторожно взяла кольцо и надела на безымянный палец левой руки; оно село идеально. Девушка почувствовала, что должна сказать что-то вроде «Оно чудесное» или «Спа-

сибо», хотя понимала, что это не предложение руки и сердца и даже не подарок. Украшение было лишь необходимым подкреплением легенды.

– Шарлотта не носит кольца, – вдруг вспомнила она. – А другие Сумеречные охотники?

– Нет, – сказал Уилл. – Существует обычай преподносить девушке фамильное кольцо при помолвке. Но во время свадебной церемонии новобрачные обмениваются рунами – на руке и на сердце.

– «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность»¹⁷, – произнес Джем. – Песнь песней Соломона.

– «Люта, как преисподняя, ревность»? – подняла брови Тесс. – Не слишком романтично.

– «Ибо стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный», – продолжил Уилл. – Я всегда полагал, что женщины считают ревность романтической. Мужчины сражаются друг с другом за руку прекрасной дамы!

– Простецы на свадьбах не говорят о преисподней, – сказала Тесс. – Хотя Библию вы знаете на «отлично». Даже лучше, чем тетушка Гарриет.

– Джеймс, ты слышал? Нас только что сравнили с тетушкой Гарриет!

– Мы хорошо разбираемся во всех религиозных текстах, –

¹⁷ Синодальный перевод, 1876 г.

невозмутимо ответил Джем. – Они для нас – просто кладезь полезной информации.

– Вы заучиваете их на занятиях? – Тесс вдруг поняла, что ни разу со дня своего появления в Институте не видела Уилла и Джема за уроками.

– Да, хотя Шарлотта в последнее время пренебрегает нашим образованием. По известным тебе причинам. Сумеречные охотники либо занимаются с преподавателями, либо проходят обучение в Идрисе – до наступления восемнадцатилетия. Которое, слава богу, для нас обоих уже не за горами.

– А кто из вас старше?

– Джем.

– Я.

Они ответили одновременно и рассмеялись, а потом Уилл добавил:

– Но всего на три месяца!

– Я знал, что ты не преминешь об этом упомянуть, – ухмыльнулся Джем.

Тесс переводила взгляд с одного Сумеречного охотника на другого. Сложно было представить двух более непохожих – внешне и внутренне – юношей. И все же...

– Это и значит быть парабатами? Заканчивать друг за другом предложения и тому подобное? Просто в Кодексе об этом почти ничего не говорится.

Уилл и Джем переглянулись. Уилл пожал плечами и заго-

ворил первым.

– Это сложно объяснить, – с долей высокомерия заявил он. – Пока не испытаешь сам...

– Но вы ведь не умеет читать мысли друг друга? – уточнила Тесс.

Джем прыснул от смеха, а Уилл от удивления широко распахнул глаза:

– Что? Господи, нет, конечно!

– Тогда в чем смысл? Как я понимаю, вы обещаете защищать друг друга – но ведь так поступают все Сумеречные охотники.

– Не только. – Джем наконец успокоился и посерьезнел. – Первыми парабатами были Давид и Ионафан. «Душа Ионафана прилепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу». Они были воинами, чьи души связали сами небеса. Вдохновленный их историей Джонатан Сумеречный охотник прописал в Законе ритуал, скрепляющий союз парабатаев.

– Но ведь парабатами могут быть не только мужчины? Женщина с мужчиной или женщина с женщиной?..

– Конечно, – кивнул Джем. – Но выбрать парабата можно лишь до восемнадцати лет. После ты уже не сможешь пройти ритуал. И суть не только в том, чтобы защищать друг друга. Ты перед Советом клянешься отдать жизнь за своего парабата. Идти туда, куда пойдет он – и быть похороненным рядом с ним. Если я увижу, что в Уилла летит стрела, то встану

у нее на пути.

– Что, согласишься, очень даже неплохо, – заметил Уилл.

– И он сделает то же самое ради меня, – невозмутимо продолжил Джем. – Уилл может говорить что угодно, но клятвы он не нарушает. Как и Закон.

Он наградил друга тяжелым взглядом, но тот лишь слабо улыбнулся и повернулся к окну.

– Да... – вздохнула Тесс. – Это, конечно, все очень трогательно, но какая-то существенная польза от вашей связи есть?

– Далеко не каждый успевает найти своего парабата за отведенное время. На самом деле нас не так много. Но в битве парабатаи могут поделиться силой друг с другом. И руна, нанесенная парабатаем, куда могущественней, чем та, что ты рисуешь самостоятельно. Есть также руны, доступные исключительно парабатаям, поскольку они питаются силой двух нефилимов.

– Но что, если ты не захочешь больше быть парабатаем? Можно ли отменить ритуал?

– Господи, женщина, есть ли вопросы, на которые ты не хочешь знать ответ? – вспыхнул Уилл.

– Не вижу ничего страшного в том, чтобы все ей рассказать. – Джем сложил руки на набалдашнике трости. – Чем больше Тесс узнает, тем проще ей будет притворяться претенденткой на Восхождение. Связь между парабатаями разрушается только в исключительных случаях. Например, если

один из нас уходит к простецам или к жителям Нижнего мира. И, конечно, когда один из нас умирает, второй обретает свободу, но больше не может взять себе парабата. Пройти через ритуал можно только один раз.

– Это похоже на католический брак, – задумчиво произнесла Тесс. – Генриху VIII пришлось создать новую религию, чтобы избавиться от своих клятв.

– Пока смерть не разлучит нас, – пробормотал Уилл, все еще неотрывно глядя на проносящийся за окнами пейзаж.

– Ну, Уиллу на такие крайности идти не придется. Он и так скоро освободится, – усмехнулся Джем.

Эрондейл сердито посмотрел на Джема, но Тесс его опередила:

– Не говори так. Мы обязательно найдем лекарство. Не нужно отказываться от надежды.

Яростный взгляд, которым наградил девушку Уилл, буквально вдавил ее в сиденье. Джем же ответил совершенно спокойно:

– Я не оставил надежду. Просто у нас с тобой разные надежды, Тесс Грей.

Следующие несколько часов Тесс дремала, уронив голову на руку, под монотонный стук колес, который незаметно вплетался в ее сны. Проснувшись она оттого, что Джем мягко тряс ее за плечо; локомотив натужно свистел, а дежурный громко кричал о прибытии в Йорк. Вихрь сумок, шляп и но-

сильщиков буквально вынес их на платформу. Здешний вокзал по сравнению с Кингз-Кроссом казался почти безлюдным. Первым делом Тесс обратила внимание на сделанную из стекла и стали крышу здания, сквозь которую можно было увидеть черно-серое небо.

Платформы тянулись, насколько хватало глаз; Тесс, Джем и Уилл стояли на ближайшей к главному зданию вокзала. Золотые часы на башне недавно пробили шесть. Поскольку они уехали на север от Лондона, уже начинало смеркаться.

Едва они успели дойти до часов, как из темноты вышел старик, до того примечательный, что Тесс уставилась на него с искренним изумлением. Он был одет в тяжелый плащ, черную шляпу из непромокаемой ткани и сапоги вроде тех, что носят моряки. Довершали образ длинная седая борода и кустистые белые брови. Старик положил руку на плечо Уиллу и спросил сиплым голосом:

– Нефилим?

– Господь всемогущий! – Уилл в притворном ужасе прижал руку к сердцу. – Неужто перед нами Старый Мореход¹⁸, что останавливает одного юношу из трех?

– Я здесь по поручению Алоизия Старквезера. Вы – охотники из Лондона? Я не собираюсь тут всю ночь торчать.

Из-за акцента Тесс казалось, что половина звуков, произнесенных стариком, запутывается у него в бороде. Она с трудом разбирала, что он говорит.

¹⁸ Герой поэмы С. Т. Кольриджа «Старый Мореход».

– Торопишься на свидание с альбатросом? – не унимался Уилл. – Тогда не смеем тебя задерживать...

– Мой друг хочет сказать, что мы и в самом деле Сумеречные охотники из Лондона. Нас послала Шарлотта Бранвелл. А вы?..

– Готшел, – прохрипел старик. – Моя семья, почитай, уже триста лет служит при Йоркском Институте. Ваши знаки, парни, я вижу. А где метки этой юной мисс? – спросил он, поворачиваясь к Тесс.

– Она из простецов, претендентка на Восхождение, – быстро объяснил Джем. – И моя будущая жена. – Он взял Тесс за руку, постаравшись сделать это так, чтобы старик заметил кольцо. – Совет решил, что ей будет полезно посетить другие Институты.

– Мистера Старквезера об этом предупредили? – спросил Готшел, сверля Джема глазами из-под шляпы.

– Я не знаю, что именно миссис Бранвелл рассказала ему в письме, – ответил Джем.

– Ради вашего же блага надеюсь, что она потрудилась все ему объяснить, – пробурчал старый слуга, хмуря брови. – Алоизий Старквезер терпеть не может сюрпризы. Но погодите, сами увидите, что он за старый х... Простите, мисс, – спохватился Готшел.

Девушка улыбнулась и склонила голову, хотя желудок у нее неприятно сжался. Джем с Уиллом чувствовали себя как рыбы в воде: им явно не впервой было притворяться. Тесс

же никогда прежде не выдавала себя за другого человека, будучи в своем истинном облики. Мысль о том, что ей придется лгать, не скрываясь за спасительной личиной, приводила девушку в ужас. Оставалось лишь надеяться, что Готшел преувеличивает суровость своего господина. Но блеск в глазах старика подсказывал Тесс, что это не так.

5. Тени прошлого

*Но духи зла, черны, как ворон,
Вошли в чертог —
И свержен князь (с тех пор он
Встречать зарю не мог).
А прежнее великолепье
Осталось для страны
Преданием почившей в склепе
Неповторимой старины.*

Эдгар Аллан По, «Призрачный замок»¹⁹

Едва поспевая за Готшелом, Тесс не успела толком рассмотреть убранство главной станции Йорка. Люди вокруг шумели и толкались, на стенах мелькали плакаты Большой северной железной дороги и Йоркских линий, и надо всем этим плыл запах угольного дыма и готовящейся еды. Покинув вокзал, они снова оказались под набрякшим дождем серым небом. Старик прикрикнул, чтобы они поторапливались, и направился к черной карете с монограммой Конклава на двери. Закрепив багаж, они забрались внутрь; Готшел уселся на козлы, и карета, выехав на Таннер-роу, влилась в поток других экипажей.

Уилл за всю дорогу не сказал ни слова, рассеянно бараба-

¹⁹ Пер. Н. Вольпин.

ня худыми пальцами по обтянутым черными брюками коленям. Мысли его блуждали где-то далеко. Джем, напротив, не упускал возможности перегнуться через Тесс к окну и показать ей что-нибудь интересное, например старинное кладбище, где хоронили жертв холеры, или древнюю городскую стену, зубцы на которой были так похожи на узор ее кольца. Внутри старого города улицы стали совсем узкими; Йорк напомнил Тесс Лондон в миниатюре. Все здесь казалось меньше, даже магазины, мимо которых они проезжали. Прохожие – в основном мужчины – прятали лица в воротниках пальто и торопились укрыться от моросящего дождя. Одеты они были без претензий и по сравнению с лондонцами выглядели провинциалами, совсем как фермеры, которые заглядывали на Манхэттен и сразу выделялись из толпы красными натруженными руками и обветренными лицами.

Карета в очередной раз свернула, и они выехали к большой площади. Глазам Тесс открылся вздымавшийся к небу величественный собор, от красоты которого у девушки невольно перехватило дыхание. Его готические шпили пронзали тучи, как стрелы – тело святого Себастьяна. Огромная белая башня возвышалась над остальными, а в нишах на фасаде стояли скульптуры, каждая из которых была самостоятельным произведением искусства.

– Это местный Институт? Он же гораздо больше Лондонского!

– Тесс, иногда церковь – это всего лишь церковь, – хохот-

нул Уилл.

– Это кафедральный собор, – пояснил Джем. – Гордость Йорка. Институт находится на Гудрэмгейт-стрит.

В подтверждение его слов экипаж свернул на улицу Дингейт, оставив собор позади, и вскоре загромыхал по булыжной мостовой Гудрэмгейта. Когда они проехали через железные ворота меж двух домов тюдоровской эпохи, Тесс поняла, почему Уилл так развеселился. Экипаж остановился перед небольшой церковью, окруженной каменной стеной. Она была не лишена изящества, но до величия собора ей было далеко. Когда Готшел слез с козел и распахнул перед Тесс дверцу кареты, чтобы помочь девушке спуститься, она заметила на лужайке перед церковью несколько могильных камней, словно кто-то собирался устроить здесь кладбище, но потом отказался от этой затеи.

На улице уже совсем стемнело; на ночном небе то тут, то там виднелись серебристые облака, сквозь которые просвечивали звезды. Джем и Уилл тихо переговаривались, стоя возле кареты. Тесс посмотрела на открытые двери церкви, за которыми мерцали огоньки свечей, и вдруг почувствовала себя призраком, забравшимся слишком далеко от места своего упокоения. Девушка вздрогнула, и вовсе не от холода.

Кто-то прикоснулся к ее руке и согрел теплым дыханием волосы. Тесс не требовалось оборачиваться, чтобы узнать Джема.

– Ну что, суженая моя? – негромко сказал он. Тесс чув-

ствовала, что Джема разбирает смех, и робко улыбнулась, зараженная его весельем. – Вместе войдем в логово льва?

Тесс взяла его под руку, и они поднялись по ступеням, ведущим к главному входу. Наверху она остановилась и нашла глазами Уилла; тот смотрел на них, не отрываясь, к вящему раздражению Готшела, который что-то пытался ему сказать. Их взгляды пересеклись, и Тесс быстро отвернулась, зная, что ни к чему хорошему это не приведет.

Внутри церковь оказалась маленькой и мрачной. Вдоль стен выстроились потемневшие от времени скамьи, над ними в черных железных светильниках горели колдовские огни. А перед алтарем, в мерцании целого каскада свечей, стоял старик в темном одеянии Сумеречного охотника. Его всклокоченные седые волосы торчали во все стороны, белая борода лежала на груди, темно-серые глаза прятались под густыми бровями, а кожу усыпала старческая «гречка». Тесс знала, что Старквезеру уже под девяносто, но спина его отказывалась сгибаться под бременем лет, а грудь была широкой, как ствол крепкого дуба.

– Юный Эрндейл пожаловал! – рыкнул он, не дав и слова сказать Уиллу, который выступил вперед, чтобы представиться. – Наполовину протест, наполовину валлиец, и обе половины худшие.

– Diolch²⁰, – вежливо улыбнулся Уилл.

– Грязный язык! – рассвирепел Старквезер и повернулся

²⁰ Благодарю (валлийск.).

к Джему. — Джеймс Карстерс, еще один щенок Лондонского Института. Я бы всех вас послал к чертям собачьим! Шарлотта Бранвелл, эта самонадеянная выскочка, отправила сюда свою свору, даже не спросив моего согласия! — йоркширский акцент Старквезера был не таким выраженным, как у его слуги, но вместо «я» у него частенько проскакивало «и-а» с придыханием. — Вся семейка такая, ни малейшего представления о хороших манерах. Я прекрасно обходился без ее отца, и без нее...

Метавшие молнии глаза Старквезера наконец остановились на Тесс, и старик вдруг замолчал с открытым ртом, будто ему вlepили пощечину. Тесс покосилась на Джема — тот выглядел не менее удивленным. Возникшей заминкой не замедлил воспользоваться Уилл.

— Это Тесс Грей, сэр, — сказал он. — Она из простецов, но обручена с Карстерсом и скоро вступит в наши ряды.

— Из простецов, значит? — глаза Старквезера опасно расширились.

— И кандидат на Восхождение, — самым вкрадчивым тоном повторил Уилл. — Она — преданный друг Лондонского Института, и мы надеемся, что скоро Тесс станет одной из нас.

— Вот как, — пробубнил старик и закашлялся. — О времена... То есть, я полагаю... — Его глаза снова метнулись к лицу Тесс, после чего он повернулся к Готшелу, который с мученическим видом разглядывал гору багажа.

– Пусть Седрик и Эндрю отнесут вещи гостей в их комнаты, – сказал он. – И найди Эллен. Пусть скажет кухарке, чтобы поставила на стол еще три прибора. Я забыл предупредить ее, что у нас будут гости.

Готшел поднял на главу Института изумленные глаза и нерешительно кивнул. Тесс разделяла его удивление. Старквезер явно намеревался отослать их назад и передумал лишь в самый последний момент. Джем задумчиво наблюдал за стариком, и только Уилл состроил ангельскую мину, достойную мальчика-хориста, и выглядел так, будто ничего иного не ожидал.

– Ну что ж, тогда добро пожаловать, – буркнул Старквезер, стараясь не смотреть на Тесс. – Чего застыли? Пойдемте, я покажу вам комнаты.

– Во имя Ангела, что это?! – воскликнул Уилл, осторожно ковыряя вилкой коричневое месиво на тарелке.

Тесс мысленно с ним согласилась: опознать блюдо было не так-то просто. Слуги Старквезера, в основном дряхлые старики и старухи (исключение составляла лишь экономка с постной физиономией), выполнили его приказ и добавили еще три прибора. К ужину подали темное комковатое месиво в серебряной супнице, которую принесла служанка в черном платье и белом чепце. Старушка буквально рассыпалась на ходу, и Тесс с трудом подавила желание вскочить и помочь ей. Когда супница наконец заняла свое место на столе,

служанка развернулась и засемила прочь, оставив Джема, Тесс и Уилла одних.

Судя по четвертому прибору, Старквезер должен был к ним присоединиться, но он, очевидно, запаздывал. Тесс подумала, что на его месте тоже не стала бы торопиться. Разваренные овощи и жесткое мясо в полумраке столовой выглядели на редкость неаппетитно. Темно-коричневые обои, редкие светильники и покрытое пятнами зеркало над погасшим очагом создавали гнетущую атмосферу. Тесс чувствовала себя ужасно неуютно в платье из синей тафты, которое одолжила ей Джессамина (Софи пришлось расставить его, чтобы Тесс могла в нем хотя бы вздохнуть). В нездоровом свете колдовского огня платье цветом напоминало скорее синяк, чем вечернее небо.

Тесс поежилась и вспомнила большую, заставленную тяжелой резной мебелью спальню, куда перед ужином проводил ее слуга (еще более древний, чем старушка, подававшая рагу). Комната показалась ей мрачной и неуютной. Можно было подумать, что Старквезер сэкономил на освещении, хотя, насколько ей было известно, колдовской огонь ничего не стоил. Наверное, старику просто нравилась темнота.

В спальне было холодно и сыро. Горевший в камине огонь почти не давал тепла. По обеим сторонам очага Тесс заметила вырезанную на камнях молнию. Точно такой же символ красовался на белом кувшине, полном ледяной воды. Тесс сполоснула лицо и руки и быстро вытерлась полотенцем, пы-

таясь вспомнить, не попадался ли ей этот символ в Кодексе. Должно быть, он означал что-то важное. Лондонский Институт украшали символы Конклава, вроде Ангела, встающего из озера, и монограммы Совета, Соглашения, Конклава и Консула.

Здесь же вместо Ангела всюду висели тяжелые портреты семейства Старквезеров. Переодевшись в вечернее платье и услышав зовущий к ужину колокольчик, Тесс стала спускаться по широкой лестнице эпохи короля Якова Первого. На площадке она остановилась, чтобы рассмотреть портрет девочки с длинными светлыми волосами. Художник изобразил ее в старомодном детском платье и с огромным бантом на маленькой головке. Лицо девочки было худым и болезненным, но глаза сияли. «Кажется, я нашла единственное светлое пятно в этом темном доме», – подумала Тесс.

– Адель Старквезер, 1842 год, – раздался голос несколькими ступенями ниже.

Тесс повернулась и увидела Уилла, который стоял, заложив руки за спину, и смотрел на табличку внизу портрета. Сама картина, судя по хмурому выражению лица, ему не пришлась по душе.

– Тебе не нравится? – спросила Тесс. – По-моему, хороший портрет. Должно быть, это дочка, хотя, скорее, внучка Старквезера.

Уилл тряхнул головой, переводя взгляд с портрета на Тесс.

– Определенно. Это место напоминает фамильную резиденцию. Сразу становится ясно, что Йоркским Институтом управляет далеко не первое поколение Старквезеров. Ты заметила молнии?

Тесс кивнула.

– Это их родовой знак. И он встречается здесь едва ли не чаще, чем символ Конклава. Только ничего хорошего в этом нет. Институт не передается по наследству. Главу назначает Консул, а само место принадлежит Конклаву.

– Но до Шарлотты Лондонским Институтом управляли ее родители, – напомнила Тесс.

– Потому-то старый Лайтвуд и бесится, – ответил Уилл. – Руководство Институтом – это тебе не семейное дело. Но если Консул назначил Шарлотту, значит, она подходит для этой должности. К тому же Лондонский Институт возглавляет всего лишь второе поколение Фэйрчайлдов. Здесь же... – Уилл махнул рукой, словно пытался разом объять портреты, лестничную площадку и чудаковатого Алоизия. – Не удивительно, что старик думает, будто имеет право вышвырнуть нас отсюда.

– Безумен, словно хмель, как сказала бы моя тетушка. Думаю, нам пора в столовую.

В редком приступе галантности Уилл предложил девушке руку. Тесс оперлась на нее, стараясь не смотреть на своего кавалера. В вечернем костюме Уилл был неотразим, а Тесс почему-то казалось, что ясный ум ей сегодня еще пригодит-

ся.

Джем уже ждал их в столовой; Тесс села рядом с ним и посмотрела на пустующее место Старквезера. В его тарелке уже остывало рагу, в стакане темнело красное вино, но самого старика не было видно. Уилл не выдержал первым: пожав плечами, он приступил к еде, о чем, впрочем, быстро пожалел.

– Да что же это такое? – не унимался он, подцепляя вилкой незадачливый овощ и поднимая его к глазам. – Как это называется?

– Пастернак? – предположил Джем.

– Тогда, должно быть, его вырастил сам дьявол! – воскликнул Уилл и оглянулся. – И ни одной собаки, чтобы скормить ей эту гадость.

– Здесь, кажется, вообще нет животных, – заметил Джем, который запросто сходил со всякой живностью, включая вредного, несговорчивого Черча.

– Наверное, все отравились пастернаком, – буркнул Уилл.

– Какая досада, а я так проголодалась! – грустно протянула Тесс, откладывая вилку.

– Есть еще булочки, – сказал Уилл, кивая на прикрытую салфеткой корзинку. – Но предупреждаю: они твердые, как камень. Зато ими можно давить клопов, если те начнут кусать тебя среди ночи!

Тесс скривилась и пригубила вино, которое оказалось кислым, как уксус.

Уилл схватил вилку и начал бодро декламировать на манер Эдварда Лира с его «Книгой чепухи»

Как-то леди одна из Нью-Йорка
Пожелала отужинать в Йорке.
Но был пастернак
На вкус, как...

– Нечестно рифмовать «Йорк» и «Нью-Йорк»! – перебила его Тесс.

– Она права, – заметил Джем, покачивая в тонких пальцах бокал с вином. – Особенно если напрашивается рифма «морг».

– Добрый вечер.

В дверях вдруг возникла гигантская тень Алоизия Старквезера, и Тесс с опаской подумала, как давно он там стоит.

– Мистер Эрондейл, мистер Карстерс и мисс...

– Грей, – подсказала Тесс. – Тереза Грей.

– Точно. – Старквезер, очевидно, не собиравшийся извиняться за опоздание, тяжело опустился в кресло и поставил перед собой плоскую коробку вроде тех, в которых банкиры хранят бумаги. Тесс вся подобралась, увидев на ней дату – 1825 год – и три набора инициалов: ДТС, АЭС и АХМ.

– Ваша юная мисс, верно, обрадуется, когда узнает, что из-за нее я несколько дней проторчал в архивах, – сердито проговорил Алоизий, а Тесс не сразу поняла, что под «юной мисс» он подразумевает Шарлотту. – Ей повезло, что мой

отец никогда ничего не выбрасывал. Увидев бумаги, я сразу все вспомнил. — Он многозначительно постучал пальцем по виску. — Восемьдесят девять лет, а память на зависть многим. Так и передайте старику Вейланду, когда он опять заговорит о том, что Йоркскому Институту нужен новый глава.

— Непременно, сэр, — ответил Джем, и Тесс заметила озорные искорки в его глазах.

Старквезер хлебнул вина из бокала и поморщился.

— Ангела ради, что за гадость! — Отставив бокал, он принялся вынимать бумаги из коробки. — Здесь у нас прошение о Возмещении по делу двух чародеев, Джона и Анны Сейд. Супружеской четы.

— Что интересно, — старик пробежался глазами по тексту, — прошение было подано их сыном, Акселем Холлингуортом Мортмейном двадцати двух лет от роду. А между тем чародеи не могут иметь детей...

Уилл неловко заерзал на стуле, стараясь не встречаться взглядом с Тесс.

— Мортмейн их приемный сын, — пояснил Джем.

— Не следовало этого допускать — Старквезер снова отпил из бокала; видимо, вкус вина его уже не смущал. Щеки старика начали краснеть. — Все равно что отдать ребенка на воспитание волкам. До Соглашения...

— Есть ли там какая-нибудь информация о том, где он может находиться? Прошу прощения, но времени у нас очень мало. — Джем мягко, но настойчиво вернул разговор в нуж-

ное русло.

– Хорошо, хорошо, – заворчал Старквезер. – О вашем драгоценном Мортмейне тут почти ничего не сказано. Больше о его родителях. Они попали под подозрение, когда обнаружилось, что у Джона Сейда хранится Белая Книга. Понимаете, это очень мощная книга заклинаний. В 1752 году она пропала из библиотеки Лондонского Института при весьма подозрительных обстоятельствах. Книга посвящена чарам, которые привязывают душу к телу – или отделяют ее, если в этом есть нужда. Оказалось, что Джон Сейд пытался с ее помощью оживлять неодушевленные предметы. Он выкапывал трупы на кладбищах или покупал у медиков, заменял поврежденные части механизмами, а потом возвращал к жизни. Закон запрещает некромантию, а Соглашения в те дни у нас еще не было. Так что Сумеречные охотники просто-напросто ворвались в дом и казнили обоих чародеев.

– А что случилось с ребенком? – спросил Уилл.

– Его не нашли, – сказал Старквезер. – Хотя все обыскали. Думали, что он умер, пока он не объявился, живой и здоровый, и не потребовал Возмещения. Даже адрес свой...

– Свой адрес? – встрепнулся Уилл. Этого не было в свитке, который нашла в архиве Шарлотта. – В Лондоне?

– Да нет же, здесь, в Йоркшире. – Старквезер постучал по бумаге морщинистым пальцем. – Поместье Рейвенскар. Громадный особняк к северу от города. Там уже давно никто не живет. Не понимаю, на какие деньги он его содержал?

Сейды жили в другом месте.

– Теперь мы хотя бы знаем, откуда начать поиски! – загорелся Джем. – Раз дом принадлежал Мортмейну, там могли остаться его вещи. И не исключено, что он до сих пор туда заглядывает.

Старквезер не торопился разделить его энтузиазм.

– Почти все имущество Сейдов было конфисковано в качестве трофеев, – сказал он.

– Трофеи, – эхом отозвалась Тесс. В Кодексе говорилось, что Сумеречный охотник, поймавший жителя Нижнего мира на нарушении Закона, имеет право забрать его имущество. Это называлось военными трофеями. Тесс посмотрела через стол на Джема и Уилла; Джем наблюдал за ней с ласковым беспокойством, лицо Уилла оставалось непроницаемым. Неужели она и вправду одно из тех существ, с которыми Уилл и Джем должны воевать?

– Да, трофеи, – подтвердил Старквезер, допивая свое вино и подтягивая к себе нетронутый бокал Уилла. – Заинтересовалась? У меня в Институте собрана отличная коллекция. Ваша, лондонская, ей не чета. – Старик поднялся, едва не опрокинув кресло. – Пойдемте, покажу. И заодно покончим с историей Сейдов, хотя там немного осталось.

Тесс быстро оглянулась на Уилла и Джема, но те уже выбрались из-за стола и следовали за Алоизием к выходу из зала. Старквезер говорил на ходу, и его спутникам приходилось спешить, приноравливаясь к его широкому шагу.

– Мне вся эта затея с Возмещением никогда не нравилась, – ворчал он, вышагивая по бесконечному, плохо освещенному коридору. – Из-за нее жители Нижнего мира возмнили, будто мы им что-то должны. Никакой благодарности за наш тяжкий труд, только и умеют руки тянуть да чего-то требовать! Верно, джентльмены?

– Вот же сволочи! – поддакнул Уилл, который, кажется, даже не слышал, о чем говорит Старквезер. Джем покосился на него, но промолчал.

– Именно! – рыкнул старик, довольный тем, что с ним согласились. – Хотя и не стоит так выражаться при даме. А Мортмейн, значит, заявил, что Анна Сейд, жена чародея, была ни в чем не виновата и про дела своего мужа ничего не знала. Требовал, чтобы ее «убийц» – как он назвал охотников – судили. И чтобы ему вернули конфискованное имущество родителей.

– В том числе и Белую Книгу? – уточнил Джем. – Ведь по Закону чародеи не имеют право ею пользоваться.

– Да, Белую Книгу у Сейдов тоже конфисковали и отправили в Лондонский Институт. Уверен, она до сих пор там стоит. Мортмейну ее бы точно не отдали.

Тесс быстро подсчитала в уме, что на момент гибели Сейдов Старквезеру было двадцать шесть лет.

– А вы там были? – спросила она.

– Был где? – Тесс заметила, что даже сейчас, будучи в подпитии, Алоизий упорно смотрит мимо нее.

– В доме Сейдов, когда Сумеречные охотники с ними расправились. Вы были в числе тех, кого послал Конклав?

Старквезер заколебался, потом пожал плечами.

– Ну да, – сказал он; его йоркширский акцент внезапно усилился. – Мы быстро с ними разобрались. Они нас не ждали. Помню, они лежали на полу в крови. Я тогда в первый раз увидел мертвых чародеев и очень удивился, что кровь у них красная. Я почему-то думал, что она должна быть синей или зеленой. Мы забрали их мантии, как охотники забирают тигриные шкуры. Отец оставил их у себя. Ох и славные были деньки. – Старквезер кровожадно ухмыльнулся, и Тесс на ум пришел Синяя Борода и комната, в которой он хранил головы убитых жен. Девушке вдруг стало очень холодно.

– Мортмейну ведь не на что было рассчитывать? – тихо произнесла она. – Его прошение никогда бы не удовлетворили.

– Разумеется! – рыкнул Старквезер. – Что за глупости: жена не знала, чем занимается ее муж?! Где это видано? Ко всему прочему он даже не был их родным сыном. Наверное, они считали его чем-то, вроде домашней зверушки. Не удивлюсь, если отец намеревался брать у него запасные части для своих экспериментов. Ему бы поблагодарить нас за спасение, а он, видите ли, в суд пошел...

Старик замолчал и остановился перед массивной дверью в конце коридора. Прислонившись к ней плечом, он криво ухмыльнулся и посмотрел на остальных из-под нависших бро-

вей:

– Случалось бывать в Хрустальном дворце?²¹ Поверьте, тут гораздо интереснее!

Старквезер толкнул дверь, и коридор залил яркий свет. Похоже, в своей сокровищнице старик на колдовской огонь не скупился.

В комнате, куда ни глянь, стояли застекленные шкафы, и над каждым горел светильник. Тесс заметила, как напрягся Уилл, а Джем сильно – до боли – стиснул ее руку.

– Не смотри... – сказал он, но Тесс уже шагнула вперед.

Трофеи. Золотой медальон с дагерротипом смеющегося ребенка – и засохшими брызгами крови. Стоявший позади Тесс Старквезер начал разглагольствовать о том, как тяжело извлекать серебряные пули из только что убитых оборотней и отправлять их на переплавку. В одном шкафу стояла целая чаша таких пуль, тоже в кровавых разводах. Глаза Тесс скользнули вдоль длинных рядов вампирских клыков и остановились на тонкой, как паутина, ткани, зажатой под стеклом. Присмотревшись, она поняла, что это крылья фей. В огромном сосуде со специальным раствором плавал, широко распахнув глаза, мертвый гоблин, очень похожий на того, что они с Джессаминой встретили в Гайд-парке.

А вот и останки чародеев. Высохшие руки с длинными когтями, как у миссис Блэк. Ободранный череп, на котором

²¹ Хрустальный дворец – огромный выставочный зал в Гайд-парке, построенный к Всемирной выставке 1851 года.

почти не осталось плоти, на вид почти не отличимый от человеческого, только вместо зубов – острые клыки. Скланки с загустевшей кровью. И Старквезер, разглагольствующий о том, сколько в былые времена можно было выручить на рынке Нижнего мира за части тела мертвого чародея. В особенности за его метку.

Тесс бросило в жар; глаза горели. Она отвернулась от шкафов, тщетно пытаясь унять дрожь в руках. Джем и Уилл смотрели на Старквезера с одинаковым ужасом, а старик тем временем с гордостью демонстрировал им очередной трофей – закрепленную на доске голову. Серая кожа обтянула кости, а из черепа торчали закручивающиеся рога.

– Этого я убил на дороге в Лидс. Пришлось повозиться! – со сдержанной гордостью проворчал он.

В следующую секунду Тесс почувствовала, что голос Старквезера уплывает куда-то вдаль – вместе с полом у нее из-под ног. Со всех сторон навалилась темнота; руки Джема подхватили ее, удержав от падения. Он что-то говорил, но до Тесс долетали лишь обрывки слов: «Моя невеста... трофеи... никогда раньше... не выносит вида крови...»

Девушка с трудом поборолла желание подняться и броситься на Старквезера. Ее остановило лишь понимание, что таким образом она только всех подведет. Поэтому Тесс лишь крепко зажмурилась, прижалась к груди Джема и глубоко вдохнула его запах – запах мыла и сандалового дерева. Потом чьи-то руки отняли ее от Джема. Старквезер прика-

зал служанкам отвести Тесс в комнату и уложить в кровать. Встревоженное лицо Джема было последним, что она увидела перед тем, как дверь в сокровищницу захлопнулась.

Несмотря на пережитое в зале трофеев потрясение, уснула Тесс далеко не сразу. А как только уснула, увидела кошмар. Во сне она была прикована наручниками к знакомой кровати в доме Темных Сестер...

Серый свет сочился сквозь окна, как густой кисель. Дверь отворилась, и вошла миссис Дарк с сестрой, у которой на месте головы красовался кусок позвоночника, торчащий из обрубленной шеи.

– А вот и она, наша милая принцесса, – сказала миссис Дарк, потирая руки. – Только представь, сколько денег нам за нее отвалят! По сотне за каждую белую ручку – и тысячу за ее прелестные глазки. Жаль, конечно, что они всего лишь серые, но никто не совершенен.

Миссис Дарк хихикнула, и кровать начала вращаться. Тесс завизжала, чувствуя, что проваливается в пустоту. Над девушкой склонились знакомые лица. Мортмейн удивленно воскликнул:

– Ну и кто сказал, что женщины дороже рубинов? Какой мне прок от этой чародейки?

– Посадите ее в клетку и выставите на потеху зевакам! – вторил ему Нат. Внезапно вокруг кровати появились железные прутья, и Нат презрительно расхохотался.

Генри тоже был здесь. Он озадаченно качал головой.

– Я разобрал ее, но так и не понял, что заставляет ее сердце биться. Посмотрите, какая любопытная вещьца! – Он раскрыл ладонь, на которой подобно выброшенной на берег рыбе, билось и пульсировало что-то красное и мясистое. – Видите, его можно разделить на две равные части...

– Тесс! – чей-то голос ворвался в кошмар. – Тесс, проснись! Это всего лишь сон!

Сильные руки встряхнули ее за плечи; Тесс распахнула глаза и заморгала в тусклом свете колдовского огня. Страшная комната исчезла, на смену ей пришла мрачная спальня Йоркского Института. Одеяло сбилось в комок, а мокрая от пота сорочка прилипла к спине. Все тело горело, будто в огне; перед глазами все еще стояли лица миссис Дарк, смеющегося Ната и Генри, разрезающего ее сердце.

– Сон? – прошептала она. – Но все было так реально...

Тесс всхлипнула. Уилл по-прежнему держал ее за плечи. Судя по мятому костюму – тому самому, в котором он вышел к ужину, – и встрепанным волосам, Эрондейл рухнул спать, не раздеваясь. Его руки согревали Тесс сквозь тонкую ткань ночной рубашки.

– Что тебе снилось? – спросил он таким тоном, будто сидеть посреди ночи на ее постели для него самое обычное дело.

Тесс вздрогнула.

– Что меня собираются разрезать на части и выставить на

потеху Сумеречным охотникам...

– Тесс. – Уилл ласково дотронулся до ее волос, убирая за уши спутанные локоны. Девушка почувствовала, что ее тянет к нему, как магнитом. Больше всего на свете ей хотелось обнять Уилла и уткнуться лицом в его плечо. – Черт побери Старквезера, который додумался привести тебя в ту комнату! Но поверь мне: теперь все по-другому. Трофеи теперь запрещены. Это был всего лишь сон.

«Нет, сон я вижу сейчас», – подумала Тесс. Она уже привыкла к царившему в комнате полумраку; глаза Уилла, словно кошачьи, мерцали совершенно неземным синим цветом. Стоило Тесс вдохнуть, как легкие наполнил знакомый запах: от Уилла пахло солью, поездами, дымом и дождем. Наверное, опять бродил по улицам вместо того, чтобы спать.

– Где ты был? – шепотом спросила она. – Пахнешь, как полуночник.

– Как обычно, шатался по злачным местам, – слабо улыбнулся Уилл и прикоснулся к ее щеке теплыми, мозолистыми пальцами. – Сможешь уснуть? Завтра рано вставать: Старквезер даст нам карету, чтобы мы съездили в поместье Рейвенскар. Но ты, конечно, можешь остаться здесь, тебе ехать не обязательно.

– В этом большом мрачном доме? – Тесс нервно повела плечами. – Спасибо, что-то не хочется.

– Тесс, – с невероятной нежностью произнес Уилл. – Должно быть, сон и вправду был очень страшным. Обычно

ты не так легко теряешь присутствие духа.

– Он был ужасным, – пожаловалась Тесс. – Мне снилось, что Генри разбирает мое сердце на запчасти, как часы.

– А, ну тогда точно бояться нечего, – хохотнул Уилл. – Ты же знаешь, если Генри кому и может навредить, то только самому себе.

Когда Тесс не ответила на его улыбку, Уилл резко посерьезнел.

– Я никому не позволю причинить тебе зло. Ты же знаешь, Тесс? – с жаром сказал он.

Их глаза встретились, и Тесс подхватила волна, та самая, что накатывала всякий раз, стоило ей оказаться рядом с Уиллом. И эта волна неудержимо толкала ее к синеглазому Сумеречному охотнику. Уилл наклонился к ней, словно повинаясь тому же течению. Поднять голову и соприкоснуться с ним губами в тот миг казалось Тесс таким же естественным, как дышать. Уилл вздохнул, словно тяжелый груз свалился с его плеч, и девушка почувствовала на коже его теплое дыхание. Пальцы Уилла прикоснулись к ее лицу, Тесс закрыла глаза, и вдруг в голове ее зазвучал непрошенный голос из прошлого:

– *Для Сумеречных охотников, которые развлекаются с чародейками, нет будущего.*

Тесс быстро отвернулась, и губы Уилла скользнули по ее щеке. Он отпрянул; в широко распахнутых глазах читались удивление – и боль.

– Нет, – сказала Тесс, отвечая на его вопрос. – Не знаю. Ты ясно дал понять, кто я для тебя. Игрушка для утех. Тебе не следовало сюда приходить, это неприлично.

– Но ты звала на помощь...

Обескураженный, Уилл уронил руки на колени.

– Не тебя.

В комнате воцарилась тишина, которую нарушало лишь прерывистое дыхание Уилла.

– Ты жалеешь о том, что сказал мне на крыше в ту ночь? Когда похоронили Томаса и Агату? – нарушила молчание Тесс. Она впервые решилась заговорить о случившемся вслух. – Ты можешь взять свои слова назад?

Уилл опустил голову; темные пряди упали на его лицо, и Тесс едва удержалась от того, чтобы не потянуться и не отвести их в сторону.

– Нет, – тихо сказал Уилл. – Нет, клянусь Ангелом, я не могу.

Тесс отодвинулась от него и подтянула колени к груди.

– Пожалуйста, уходи, – сказала она, отвернувшись в сторону.

– Тесс...

– Пожалуйста.

Какое-то время Уилл молчал, потом встал с кровати, жалобно скрипнувшей под его весом. Тесс слышала, как он идет к двери и закрывает ее за собой. Последний звук словно оборвал что-то внутри нее, и девушка упала на подуш-

ки. Долгое время она лежала, глядя в потолок и безуспешно пытаясь найти ответ на мучившие ее вопросы. Зачем Уилл пришел к ней? Почему был так нежен и заботлив, если на самом деле ее презирает? И почему, даже несмотря на то, как жестоко он с ней обошелся, ей все равно кажется, что отослать его сейчас было ужасной ошибкой?

Следующее утро выдалось неожиданно погожим и ясным; мягкий солнечный свет и чистая синева небес прогнали головную боль, терзавшую Тесс с того момента, как она открыла глаза. Заставив себя выбраться из кровати, в которой она проворочалась добрую половину ночи, девушка оделась сама – меньше всего ей хотелось просить о помощи здешних дряхлых горничных. Застегнув наконец последнюю пуговицу жакета, Тесс поймала свое отражение в старом мутном зеркале. Темные полумесяцы под глазами недвусмысленно намекали на то, что кое-кому сегодня не спалось.

Уилл и Джем уже сидели в столовой и отдавали должное завтраку, который состоял из подгоревших тостов, слабого чая и джема. Масла гостям не подали. Когда Тесс вошла в комнату, Джем уже поел, а Уилл развлекался тем, что выкладывал из кусочков хлеба неприличные картинки.

– А это что такое? – с любопытством спросил Джем, разглядывая очередной шедевр. – Похоже на... – Заметив Тесс, он широко улыбнулся. – Доброе утро!

– Доброе утро.

Она села напротив Уилла, но тот посмотрел на нее так, будто прошлой ночью ничего особенного не произошло. А вот глаза Джема выражали искреннее беспокойство.

– Как ты себя чувствуешь? Вчера вечером... Доброе утро, мистер Старквезер! – сказал он, вдруг резко повысив голос. Одновременно с этим он толкнул Уилла в плечо, так что тот от неожиданности выронил вилку, и куски хлеба разлетелись по столу.

Старквезер, по-прежнему одетый в черную мантию, ода-рил гостей недобрым взглядом и обошелся без утренних приветствий.

– Карета ждет во дворе, – отрывисто проговорил он. – И поторопитесь, вечером она мне понадобится. На обратном пути Готшел сразу отвезет вас на вокзал – незачем вам сюда возвращаться, вы и так узнали все, что необходимо.

Это не было вопросом. Джем согласно кивнул.

– Да, сэр. Вы очень великодушны.

Старквезер ничего на это не ответил, только искоса глянул на Тесс перед тем, как выйти из комнаты. Полы черной мантии развевались у него за спиной, подобно крыльям, и Тесс подумала, что глава Йоркского Института похож на хищную птицу, вроде стервятника. Перед внутренним взором девушки возникли шкафы с «трофеями», и она поежилась.

– Ешь быстрее, Тесс, пока он не передумал насчет кареты, – поторопил ее Уилл, но девушка покачала головой.

– Я не голодна.

– Хотя бы чаю попей.

Он наполнил чашку, подлил туда молока и насыпал сахару. Получилось слишком сладко, но Уилл так редко проявлял заботу о ней (пусть даже сейчас он делал это лишь для того, чтобы она поскорее закончила завтракать), что Тесс выпила чай, не поморщившись, и даже заставила себя сжевать кусочек тоста. Нефилимы ушли за верхней одеждой и багажом; Тесс сходила за плащом, шляпкой и перчатками, и вскоре все трое уже стояли на ступенях Института, щурясь от солнечного света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.